

тема
номера

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Е.В. ГОРЧАКОВА

Теория без практики
и практика без теории
есть ничто

Исполнение любого решения, особенно связанного с удовлетворением требований неимущественного характера, зависит от соблюдения судом конституционного принципа исполнимости судебного акта. Содержание этого принципа в настоящий момент окончательно не сформировалось, оно не раскрыто в законодательстве. Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной неоднократно в постановлениях, этот принцип многогранен, основывается на определении судебного решения как средства эффективной защиты нарушенного права, включает обязанность суда при вынесении решения в соответствии с принципом соразмерности находить адекватные формы и способы защиты

Отдельные вопросы исполнения требований неимущественного характера

11

Исполнение судебного решения как элемент права на справедливое судебное разбирательство

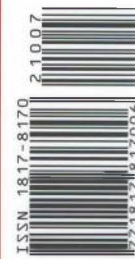
16

Актуальные вопросы исполнительного производства: опыт зарубежных государств

41

Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность

57

Судья

июль | 2021

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
Н.В. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зиятдинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казакова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 7 [127] 2021
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Кризэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
19.07.2021 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 8250 экз. Заказ № 127-0721

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2021

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
Фотобанк Лори,
Шаттерсток

«**И**сполнение судебного решения является элементом судебной защиты, которая не может признаваться действенной, сводится к нулю, если судебный акт не исполняется...» – эти слова Татьяны Анатольевны Петровой, заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, стали лейтмотивом конференции по административной тематике, прошедшей в апреле этого года в Тамбове. Надо отметить, что именно Тамбовский областной суд в последние годы внес очень весомую лепту в дело внедрения новых подходов и практик применения судами норм КАС РФ.

Прошедшая конференция, организованная и проведенная Тамбовским областным судом, стала уже четвертой по счету. Важно отметить не столько количество, сколько качество проведенных мероприятий. Организаторам удалось собрать авторитетных ученых и практиков, мнения которых интересны и полезны самому широкому кругу теоретиков и правоприменителей, о чем свидетельствует частота цитирования в юридической прессе.

В этом номере журнала мы публикуем основные доклады, прозвучавшие на тамбовской конференции. Нет сомнений в том, что тема применения КАС РФ судами далеко не исчерпана. Жизнь ставит перед судьями и учеными новые вопросы, и судебное сообщество готово оперативно изучать и обсуждать способы решения проблем, обозначенных как учеными, так и коллегами-судьями.

Примечательно, что к обсуждению ряда вопросов привлекаются представители тех организаций, которые, как отметила Т.А. Петрова, ответственны за исполнение судебных решений. Так, в обсуждении принудительного исполнения требований неимущественного характера и отдельных имущественных требований приняли участие представители профильного ведомства – Федеральной службы судебных приставов. Они предложили свое видение разрешения тех или иных непростых ситуаций.

В этом номере мы также публикуем материалы об использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве – этой теме было посвящено последнее заседание Клуба имени Замятина. Интересно, что, когда мы готовили репортаж о заседании этого Клуба, в редакцию поступила статья нашего постоянного автора – Ирины Валентиновны Решетниковой, которая также обратилась к теме «Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность». Думается, что эта одновременность в выборе тем не случайна. Судебному сообществу свойственно осмысление актуальных стратегических вопросов, важных как для самой судебной власти, так и для всего общества в целом.

Конституционный принцип и международный стандарт справедливого судебного разбирательства

На межрегиональной научно-практической конференции «Принудительное исполнение требований неимущественного характера и отдельных имущественных требований: вопросы правового регулирования и правоприменительной практики», прошедшей в г. Тамбове в апреле 2021 г., с приветственной речью к участникам конференции обратилась заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации **Татьяна Анатольевна Петрова**.

Исполнение судебного решения является элементом судебной защиты, которая не может признаваться действенной, сводится к нулю, если судебный акт не исполняется. Это конституционный принцип и одновременно международный стандарт осуществления справедливого судебного разбирательства. Следовательно, фактическое исполнение судебного решения в разумные сроки — это, безусловно, главный вектор, который должен определять направление предстоящей дискуссии о правовом регулировании и судебной практике в сфере исполнения требований неимущественного характера и отдельных имущественных требований.

Учитывая значимость исполнительного производства для оценки наличия или отсутствия нарушения права на справедливое судебное разбирательство и права на эффективное средство правовой защиты, Пленум Верховного Суда Российской Федерации 17 ноября 2015 г. принял Постановление № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих

в ходе исполнительного производства», в котором дал важные для судебной практики разъяснения, однако в основном по вопросам, связанным с исполнением имущественных требований.

Вместе с тем на сегодняшний день серьезным вызовом является проблема исполнения требований неимущественного характера, а точнее, исполнительных листов, выданных на основании судебных решений, содержащих требования неимущественного характера, в которых устанавливается обязанность субъекта совершить конкретные действия, не связанные с передачей сумм или иного имущества взыскателю, либо воздержаться от совершения тех или иных конкретных действий. Такие решения принимаются в рамках как гражданского, так и административного судопроизводства.

Представляется, что точную характеристику относительно исполнимости таких требований дал Михаил Зиновьевич Шаров, который указывал, что «неимущественное требование в подавляющем большинстве случаев является для должника «веч-

ным» в том отношении, что, в отличие от имущественного требования, от него нельзя освободиться через банкротство».

В связи с этим следует согласиться с утверждением Оксаны Владимировны Исаенковой о том, что исполнимость судебных актов не должна зависеть от вида удовлетворенного требования, от характера, который это требование носит: имущественный или неимущественный. Применительно к исполнимости неимущественных требований хотелось бы продолжить это утверждение: а также вне зависимости от того, требуется или нет для их фактического исполнения личное участие должника. Замечу, именно такая квалификация неимущественных требований существовала еще в литературе советского периода.

С учетом такой квалификации мне представляется важным обсуждение вопросов, связанных с практической реализацией положений статьи 206 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 107 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» о возможности в случае неисполнения решения должником совершения необходимых действий взыскателем за счет должника. Если такое исполнение возможно, т.е. взыскатель может организовать исполнение без участия должника, но за его счет, необходимо ли во всех случаях возбуждать исполнительное производство, т.е. осуществлять исполнение за счет государства, обращаться к юрисдикционным мерам? Необходимо ли учитывать эту возможность, например, при рассмотрении административных дел об оспаривании бездействия службы судебных приставов в случаях, когда исполнение неимущественных требований возможно без личного участия должника?

В связи с этим безусловный интерес представляет заявленная к обсуждению тема о сочетании государственных и частных начал при исполнении требований неимущественного характера. Возвращаясь к вопросу о «вечном» характере неимущественных требований, полагаю необходимым обсудить проблемы, связанные с мерами воздействия, которые применяет судебный пристав к должнику с целью стимулирования его к самостоятельному исполнению. В частности, о мерах, побуждающих должника к исполнению, таких как размещение сведений о неисполняющем должнике в открытом банке данных, временное ограничение на выезд за рубеж и, конечно, публикация сведений о случаях присуждения должника к денежной сумме, т.е. об астренте. Поскольку данная мера воздействия является дополнительной, представляется важным обсудить вопрос о мотивах и об обосновании необходимости ее применения судебным приставом.

Обсуждение вопросов о мерах воздействия приобретает особую специфику в случаях исполнения требований неимущественного характера в

отношении публично-правовых образований, например о предоставлении жилья детям-сиротам, об обеспечении местами в детских дошкольных образовательных учреждениях и т.д. Полагаю, что применение мер воздействия, совершение других исполнительных действий по таким делам, конечно, имеет свои особенности с учетом того, что действия органов публичной власти всегда ассоциируются с действиями государства, которое должно знать о судебном решении и предпринимать действия по его исполнению. В связи с этим обсуждение вопросов организации исполнения таких судебных решений очень важно именно для административного судопроизводства.

Однако нельзя отрицать, что во всех случаях, в том числе тогда, когда должником является публично-правовое образование, реальность и своевременность исполнения зависят от исполнимости судебного акта. В связи с этим обращаюсь к практике Верховного Суда Российской Федерации: так, решением суда было признано незаконным бездействие администрации публично-правового образования, и на нее была возложена обязанность по организации дополнительных мест в дошкольных образовательных учреждениях. Суд первой инстанции, признавая незаконным бездействие администрации, исходил исключительно из факта необеспечения четырех тысяч несовершеннолетних детей местами в этих учреждениях. При этом вопрос о том, какое время необходимо для создания дополнительных мест, суд первой инстанции не выяснял, правовой оценки разработанному администрацией плану мероприятий (дорожная карта) в целях обеспечения несовершеннолетних местами в этих учреждениях не дал, возражения администрации о невозможности по техническим причинам за период менее чем один финансовый год решить вопрос о предоставлении дошкольного образования всем детям, состоящим на учете для зачисления в муниципальное дошкольное учреждение, не проверил. Отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, Судебная коллегия сделала вывод о том, что неправильное определение судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для административного дела, повлекло нарушение конституционного принципа исполнимости судебного решения.

Таким образом, только продуманный, точный, понятный смысл содержащихся в резолютивной части судебного решения властных предписаний о конкретных правах и обязанностях субъектов может обеспечить стабильную правовую основу для исполнительного производства и, как следствие, не подвергать сомнению понятие общеобязательности вступившего в законную силу судебного решения и тем самым обеспечить действенную реализацию гражданами и их объединениями конституционного права на судебную защиту. **□**

Теория без практики и практика без теории есть ничто

Тамбовским областным судом в конце апреля были проведены уже ставшими традиционными административные чтения, участие в которых приняла наша собеседница **Елена Викторовна Горчакова**, судья Верховного Суда Российской Федерации.

Тема конференции на этот раз звучала так: «Принудительное исполнение требований неимущественного характера и отдельных имущественных требований: вопросы правового регулирования и правоприменительной практики». И Елена Викторовна, как участница мероприятия, согласилась отдельно поговорить об этой теме с читателями издания. Мы предлагаем вниманию фрагменты из беседы с Еленой Викторовной, поскольку целиком разместить материал не позволяет объем журнала.

Елена Викторовна, нужны ли судебному сообществу научные конференции и каково Ваше отношение к этому формату общения судей?

Считаю, что это интересная форма взаимодействия. И не просто конференции, а научно-практические, на которых соединялись бы два пути — науки и практики. Позволю себе немного перефразировать Конфуция применительно к судебной практике: путь размышления науки — путь самый благородный, путь опыта — самый горький. Судебная практика, таким образом, совмещает благородные размышления на нелегком пути к истине.

Выступления на конференции в Тамбове и представителей юридической науки, и судей, применяющих законодательство с учетом правовых позиций ученых, убеждают в необходимости взаимодействия теории и практики. Ведь, как сказал задолго до нашей эры древнегреческий философ Протагор, «теория без практики и практика без теории есть ничто».

Как на примере научно-практической конференции, прошедшей в Тамбове, можно было увидеть это взаимодействие теории и с практикой?

Татьяна Анатольевна Петрова в своем напутственном слове участникам конференции обратила внимание, что исполнение любого решения, особенно связанного с удовлетворением требований неимущественного характера, зависит от соблюдения судом конституционного принципа исполнения этого судебного акта. Содержание этого принципа в настоящий момент окончательно не сформировалось, оно не раскрыто в законодательстве. Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной неоднократно в постановлениях (от 15 января 2002 г. № 1-П, от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 10 марта 2016 г. № 7-П), этот принцип многогранен, основывается на определении судебного решения как средства эффективной защиты нарушенного права, включает обязанность суда при вынесении решения в соот-

ветствии с принципом соразмерности находить адекватные формы и способы защиты, учитывать, что взыскатель в исполнительном производстве имеет право на получение помощи в исполнении судебных решений со стороны государства, выражающейся в применении мер принуждения к должнику.

Следовательно, чтобы решение было действенным, суд при удовлетворении заявленных требований должен проверить, является ли выбранный истцом способ защиты исполнимым, и четко, в соответствии с установленными процессуальным законом предписаниями, сформулировать резолютивную часть решения.

Именно об этом говорила блестящий представитель науки — уважаемая Лидия Владимировна Туманова, невозможно не согласиться с ее мнением, что главным показателем справедливости судебного разбирательства является исполнение решения, которое Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает как элемент судебной защиты.

Так что, как видите, даже в таком кратком виде, на примере действия правового принципа, можно увидеть тесную взаимосвязь разных на первый взгляд миров — теории и практики.

Вернемся к теме конференции. В чем чаще всего выражается неисполнение требований закона при исполнении неимущественных требований?

Прежде чем ответить на Ваш вопрос, не могу не вспомнить выступление Татьяны Александровны Шкляр о важности реализации принципов исполнительного производства, задачами которого, как указано в статье 2 Федерального закона об исполнительном производстве, являются правильное и своевременное исполнение любого акта.

К сожалению, как показывает практика, далеко не всегда требования закона исполняются. Позволю проиллюстрировать это одним примером из практики, который объединяет две проблемы, возникающие при

исполнении неимущественных требований:

– некорректная резолютивная часть судебного решения;

– невыполнение судебным приставом-исполнителем положений Закона об исполнительном производстве.

В 2017 году был выдан исполнительный лист о сносе самовольно возведенных гражданином построек. В резолютивной части решения говорилось о том, что нужно снести монолитный железобетонный каркас и железобетонный пояс над хозяйственными строениями литер «Д» и «Г» с увеличением площади застройки и высоты здания на уровне второго этажа, расположенными на земельном участке конкретной площадью, с определенным кадастровым номером по указанному в решении адресу.

На основании заявления взыскателя в установленный законом срок возбуждено исполнительное производство, копия вручена должнику, предоставлен срок для добровольного исполнения.

Несмотря на истечение 5 июня 2017 г. срока для добровольного исполнения и непредставление сведений о его исполнении, судебным приставом-исполнителем в течение установленного законом двухмесячного срока исполнения исполнительного документа не были выполнены требования статьи 105 Закона об исполнительном производстве, устанавливающие общие условия исполнения требований к должнику совершить определенные действия, а именно:

– в случаях неисполнения должником требований в срок, установленный для добровольного исполнения, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и устанавливает должнику новый срок для исполнения (ч. 1);

– при неисполнении должником требований без уважительных причин во вновь установленный срок должностное лицо службы судебных приставов составляет в отношении должника протокол об административном правонарушении и устанавливает

новый срок для исполнения. Если для исполнения этих требований участие должника необязательно, то судебный пристав-исполнитель организует исполнение в соответствии с правами, предоставленными ему Законом об исполнительном производстве.

За две недели до истечения двухмесячного срока принудительного исполнения должник обращается к судебному приставу-исполнителю с заявлением о невозможности исполнения решения суда ввиду его неясности, просит привлечь судебно-строительного эксперта для разъяснения судебного решения.

И что делает судебный пристав-исполнитель? Обращается в суд за разъяснением судебного акта?

К сожалению, игнорируя предписания статьи 32 Закона об исполнительном производстве о праве судебного пристава-исполнителя в случае неясности положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения обратиться в суд, выдавший исполнительный документ, с заявлением о соответствующем разъяснении (ч. 1), судебный пристав-исполнитель предпринимает совершенно иные действия. Он привлекает специалиста для проведения обследования спорного объекта. Затем уже по заявлению взыскателя привлекает другого специалиста, получает два взаимоисключающих заключения, проверяет утверждение должника, что им ведется строительство в соответствии с полученным разрешением, хотя это не было предметом исполнительного производства.

Разумеется, взыскатель из-за неисполнения вступившего в законную силу судебного акта, обязательного для всех, жалуется во все инстанции.

Каков же результат в итоге?

Практически через два года после возбуждения исполнительного производства оканчивается ввиду выполнения требований исполнительного документа на основании акта приема-передачи выполненных работ по договору подряда, составленно-

го в 2016 году, и справки кадастрового инженера от 11 апреля 2017 г., представленных должником, только в 2019 году заявившим о добровольном исполнении судебного решения до возбуждения исполнительного производства.

Несмотря на такие фактические обстоятельства, ни судебный пристав-исполнитель, ни суд, отказывая в признании незаконными бездействия судебного пристава-исполнителя и постановления об окончании исполнительного производства, не выяснили, соответствуют ли действительности представленные через два года после возбуждения исполнительного производства документы о добровольном исполнении должником решения суда.

Не выяснялся вопрос, почему судебный пристав-исполнитель не выполнил требования статьи 107 Закона об исполнительном производстве, устанавливающей особенности исполнения требования в том числе о сносе строения либо их отдельных конструкций. Так, частью 5 названной статьи предусмотрено, что принудительное исполнение требования о сносе строения производится с участием понятых с составлением соответствующего акта о совершении перечисленных действий. Однако в обоснование необходимости окончания исполнительного производства положен акт, не соответствующий приведенному законоположению.

Есть ли примеры, когда пристав поступил корректно в спорной ситуации?

Конечно. Именно так поступил судебный пристав-исполнитель по другому делу, предметом проверки по которому также являлось постановление об окончании исполнительного производства ввиду его фактического исполнения.

Исполнительное производство было возбуждено на основании исполнительного листа, выданного в соответствии с определением об утверждении мирового соглашения между гражданином – собственником гаражного бокса и кооперативом. Ко-

оператив взял на себя обязательство установить светильники конкретной мощности, обеспечить регулирование, обслуживание, использование и режим работы уличных светильников на своей территории на основании установленных стандартов, требований и норм.

Разрешая спор по существу и признавая действия судебного пристава-исполнителя и окончание исполнительного производства законными, суд первой инстанции, с позицией которого согласились апелляционная и кассационная инстанции, исходил из документов исполнительного производства, копии которых представлены в административное дело, в том числе принял как допустимые и относимые доказательства акты о совершении исполнительных действий, составленные судебным приставом-исполнителем в присутствии понятых в течение трех дней в различное время суток, подтверждающие исправное состояние электрического освещения на территории кооператива, восстановленного в соответствии с требованиями исполнительного документа.

Елена Викторовна, скажите, каковы причины неисполнения в установленный законом срок исполнительных документов по неимущественным требованиям?

Безусловно, основные проблемы в сфере исполнительного производства связаны не только с недостатками в работе органов принудительного исполнения, с несовершенством законодательства об исполнительном производстве, но и с пробелами и коллизиями материального права, влекущими за собой в отдельных случаях невозможность исполнения судебного акта, на что обратил внимание Михаил Львович Гальперин в одной из своих статей, посвященных вопросам невозможности исполнения требования исполнительного документа в неизменном виде, что подтверждается практикой по исполнению судебных решений, связанных с воспитанием ребенка.

Да, на прошедшей конференции этому вопросу было уделено особое

внимание. Каково Ваше мнение о реализации решения суда в семейных спорах?

Об особенностях и сложности исполнительного производства по неимущественным требованиям в семейно-правовой сфере интересно говорила Наталья Анатольевна Бурашникова, аргументированно изложив предложения по решению проблем, возникающих при исполнении решений суда об удовлетворении требования одного из родителей, желающего принимать участие в воспитании ребенка.

Действительно, у судебного пристава и взыскателя в исполнительном производстве по таким требованиям нет эффективных правовых средств принудить родителя, у которого фактически находится ребенок, передать его лицу, которому суд установил конкретный график встреч, или лицу, с которым ребенок должен проживать в соответствии с решением суда.

Но ведь сам ребенок не является объектом требований...

Конечно, сам ребенок не может быть объектом требований неимущественного характера, и реализация судебного решения не может быть осуществлена принудительно, помимо воли ребенка.

Непроизвольно вспоминается притча о споре двух женщин, желающих оставить себе ребенка: одна родила, другая воспитала. Кто отказался от предложения разделить ребенка пополам? Та, которая желала ему счастья, думала о его спокойствии и здоровой психике. Безусловно, это не правовой аргумент. Но согласитесь, что и принудительное исполнение судебного акта в отношении ребенка, не являющегося участником исполнительного производства, как это определено в статье 48 Закона об исполнительном производстве, — не только правовая сфера.

Тогда возникает вопрос: кто должен нести ответственность за фактическую невозможность исполнения решения суда?

Интересный вопрос, на который в теории есть несколько вариантов ответа:

— законодатель, предусмотревший способ защиты права, теоретически обоснованный исходя из равенства прав обоих родителей, но объективно неприменимый на стадии принудительного исполнения;

— суд, не раскрывший конкретные способы исполнения в своем решении;

— судебный пристав-исполнитель, годами безуспешно исполняющий такие исполнительные документы.

Или же риск неисполнения судебного решения должен лежать на самом взыскателе, выбравшем предусмотренный законом, но невозможный к осуществлению без желания ребенка способ защиты.

Мне ближе последний вариант.

В чем Вы видите корректность этого варианта развития событий?

В том, что именно истец формулирует требование к должнику, принимает решение о разрешении возникшего между родителями конфликта в судебном порядке с использованием процедур исполнительного производства, не думая о возможных негативных последствиях возникшей правовой ситуации для ребенка.

И если мы говорим о приоритете интересов ребенка, то почему нужно годами принимать меры для принудительного исполнения такого решения, а не прекратить исполнительное производство ввиду невозможности исполнения судебного акта или возвратить исполнительный документ, возможность исполнения которого не утрачена в зависимости от конкретных обстоятельств, установленных в ходе исполнительного производства, как это предусмотрел федеральный законодатель. Да, это, скорее всего, повлечет новый судебный спор между взыскателем и судебным приставом-исполнителем. Но уже без участия ребенка. И тогда суд поставит точку.

Елена Викторовна, спасибо Вам большое за интересное интервью!

Отдельные вопросы исполнения требований неимущественного характера

Анастасия Николаевна Оленьчева

Федеральная служба судебных приставов,
начальник правового управления,
кандидат юридических наук,
государственный советник юстиции
Российской Федерации 1-го класса
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим при осуществлении принудительного исполнения судебных актов, содержащих отдельные требования неимущественного характера. В частности, автор анализирует вопросы, связанные с правовой неопределенностью административных органов, обеспечивающих исполнение состоявшихся судебных актов указанной категории. Кроме того, отмечается значение описательной части самого требования неимущественного характера в резолютивной части решения, которое во многом влияет на эффективность его исполнения.

Ключевые слова: принудительное исполнение, судебные акты неимущественного характера, предоставление жилья детям-сиротам, снос самовольно возведенных строений

Certain issues of the enforcement of non-pecuniary claims

Anastasiya Nikolayevna Olencheva, Federal Bailiffs' Service, Head of Legal Department, Candidate of Laws, 1-st Class State Adviser of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia

Annotation. The article deals with practical issues related to the forced execution of judicial acts containing separate non-pecuniary claims. In particular, the author analyzes the problems related to the legal uncertainty that the administrative bodies responsible for the execution of final judicial acts of this category are faced with. Moreover, the author points out at the importance of the description of a non-pecuniary claim in the operative part of a judgment, which has large impact on the effectiveness of its enforcement.

Keywords: forced execution, judicial acts of non-pecuniary nature, granting housing to children-orphans, demolition of unauthorized buildings

На сегодняшний день исполнение требований неимущественного характера является одним из наиболее сложных направлений принудительного исполнения, реализуемого в рамках задач, возложенных на Федеральную службу судебных приставов (далее – ФССП России, Служба).

Хотя в общей массе исполнительных документов, находящихся на принудительном исполнении в ФССП России, такая категория требований составляет около 1% (в 2020 году на исполнении находилось 110 872 тыс. исполнительных производств, в том числе неимущественного характера – 1042 тыс. (0,94%))¹, с точки зрения особенностей и специфики их исполнения, в отличие от тех же монетарных требований, исполнение которых на сегодняшний день все дальше погружается в цифровую среду, она является наиболее сложной и трудозатратной.

Эта сложность обусловлена, во-первых, необходимостью непосредственного взаимодействия с участниками исполнительного производства, а во-вторых, потребностью в финансировании, объемы и источники которого на момент рассмотрения дела в суде и вынесения судебного решения никак не оцениваются.

В настоящей статье предлагается исследовать наиболее знаковые требования неимущественного характера, среди которых обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями, а также требования о сносе самовольно возведенных строений.

В целом принудительное исполнение требований неимущественного характера регламентировано общей нормой Федерального закона от 2 октября 2007 г. «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве)² (глава 13, ст. 105) и заключается в реализации судебным приставом-исполнителем мер принудительного и администра-

тивного характера с целью понуждения должника к совершению указанных в судебном акте действий или необходимости воздержаться от совершения определенных действий. В то же время исполнение каждого отдельного вида требований неимущественного характера (например, отобрание или передача ребенка, снос самовольно возведенных строений, выселение должника из незаконно занимаемого должником помещения и др.) в силу его специфики, предмета исполнения, статуса должника и взыскателя, круга привлекаемых к исполнению участников нуждается в особой подробной законодательной регламентации.

В настоящее время, поскольку процедуры принудительного исполнения носят административный характер, а их регламентация в специальных законах либо в Законе об исполнительном производстве отсутствует, при решении вопроса о порядке исполнения суды исходят из того, что ФССП России осуществляет полномочия по принудительному исполнению всего объема исполнительных документов. При этом при решении данного вопроса судами не учитываются возможности Службы без необходимого инструментария реально реализовывать вынесенные судебные акты, что делает их, по сути, неисполнимыми, а это, в свою очередь, подрывает авторитет как судебной, так и исполнительной власти.

Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, обеспечение исполнения судебных актов, содержащих требования неимущественного характера, чаще всего сопряжено с расходом денежных средств, а в ряде случаев – с необходимостью привлечения специфических для конкретной категории исполнительных документов материальных и технических ресурсов. Например, для обеспечения исполнения судебных актов, предусматривающих принудительную госпитализацию больных туберкулезом, необходимы специальная техника для транспортировки больных, а также средства индивидуальной защиты, наличие которых в ФССП России не предусмотрено.

В связи с этим нельзя не отметить позицию Конституционного Суда Российской Федерации, предусматриваю-

¹ Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2020 год // <https://fssp.gov.ru/statistics>

² СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

судебные акты

предоставление жилья

принудительное исполнение

шую, что при определении субъектов, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию мер, установленных судебным актом, необходимо исходить из наличия полномочий и реальных возможностей органа обеспечивать соответствующие исполнительные действия³.

Однако правовая неопределенность в отношении административных органов, обеспечивающих исполнение состоявшихся судебных актов, содержащих требования неимущественного характера, по-прежнему сохраняется. Так, несмотря на состоявшиеся в 2018 году изменения Градостроительного кодекса Российской Федерации⁴, в соответствии с которыми исполнение решения суда о сносе самовольной постройки в случае, если взыскателем является орган местного самоуправления, осуществляется указанными органами самостоятельно, без возможности обращения в ФССП России, сформировавшаяся судебная практика по данному вопросу предполагает альтернативу исполнения судебных решений о сносах самовольно возведенных строений силами органов принудительного исполнения Российской Федерации⁵.

Следующий вопрос, на который хотелось бы обратить внимание в настоящей статье, связан с описанием требования в резолютивной части решения, влияющего на эффективность его исполнения.

Как показывает практика, исполнимость судебного акта и восстановление в перспективе нарушенного права во многом зависят от точности и содержания формулировки самого исполнительного документа. Неоднозначность понимания сформулированной резо-

лютивной части судебного решения порождает ряд вопросов при его дальнейшей реализации, разрешение которых в дальнейшем также дополнительной нагрузкой ложится на плечи судебной системы. Так, в случае неясности положений исполнительного документа, способа и порядка его исполнения взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд, выдавший исполнительный документ, с заявлением о разъяснении его положений, способа и порядка его исполнения. Кроме того, по заявлению указанных лиц судом может быть изменен способ или порядок исполнения судебного решения (ст. 202, 203 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁶, ст. 179, 324 Арбитражного процессуального кодекса Российской

Исполнимость судебного акта и восстановление в перспективе нарушенного права во многом зависят от точности и содержания формулировки самого исполнительного документа

Федерации⁷, ст. 185 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁸). При этом изменение способа и порядка исполнения вынесенного судебного акта, по сути, влечет за собой пересмотр дела по существу.

В соответствии с пунктом 6 ч. 1 ст. 13 Закона об исполнительном производстве в исполнительном документе должна быть указана резолютивная часть судебного акта, содержащая требование о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств и иного имущества либо совершению в пользу взыскателя определенных действий или воздержанию от совершения определенных действий.

Вместе с тем из резолютивной части судебного акта не всегда представляется возможным однозначно сделать вывод о возложении какой-либо обя-

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Администрации муниципального образования город Мурманск» // Российская газета. 20 июля 2020 г.

⁴ Российская газета. 30 декабря 2004 г.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июня 2020 г. № 66-КА20-2 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Российская газета. 20 ноября 2002 г.

⁷ Российская газета. 27 июля 2002 г.

⁸ Российская газета. 11 марта 2015 г.

занности на должника (ответчика). В качестве примера можно привести административное дело, рассматриваемое Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе гражданки С. Истица обжаловала в Верховном Суде Российской Федерации отказ судебного пристава-исполнителя в возбуждении исполнительного производства, поскольку в исполнительном документе не было обязывающей стороны к совершению каких-либо действий формулировки, а было лишь перечислено имущество, выделенное в ее собственность. Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что формальное отсутствие в резолютивной части судебного акта и в исполнительном листе указания о возложении на ответчика определенной обязанности не изменяет характер спорных отношений, а выданный исполнительный лист подлежит принудительному исполнению ФССП России⁹.

Учитывая положения Конституции Российской Федерации¹⁰ о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, а также риторику состоявшегося 21 апреля 2021 г. Ежегодного послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о необходимости обеспечения всесторонней поддержки детей, особое внимание хотелось бы уделить исполнению судебных актов, связанных с обеспечением жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Исполнительные документы, содержащие указанные требования, являются предметом особого внимания ФССП России. В 2020 году на принудительном исполнении Службы находилось 33,3 тыс. исполнительных производств данной категории, при этом исполнено

8,4 тыс. исполнительных документов¹¹, т.е. каждое четвертое судебное решение. Вместе с тем в ряде субъектов Российской Федерации ситуация остается критической и неисполненными остаются свыше 50% судебных решений рассматриваемой категории.

Во многом неисполнимость судебных решений связана с отсутствием свободного специализированного жилищного фонда в месте проживания лица, которого необходимо обеспечить жильем, а также достаточного финансирования на строительство или приобретение жилых помещений.

В большинстве случаев формулировки судебных актов, которыми лица признавались нуждающимися в предоставлении им жилого помещения, содержали требования об обязанности органов местного самоуправления предоставить таким лицам соответствующие жилые помещения. При этом не учитывалось, что обеспечение жилыми помещениями такой категории граждан в соответствии с абзацем 1 п. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»¹² является расходным обязательством субъекта Российской Федерации, а не органов местного самоуправления, что приводило в силу специфики реализации бюджетных полномочий субъекта Российской Федерации к затяжным срокам исполнения решений суда.

Вместе с тем с учетом обозначенной проблемы в некоторых регионах судебная практика поменялась, и суды, оценивая участие ФССП России как органа, обеспечивающего контроль за реализацией полномочий по обеспечению нуждающихся граждан жилыми помещениями, изменили формулировки требований. На сегодняшний день в такие судебные акты закладываются обязательства органов местного самоуправления, предусматривающие включение указанной категории граждан в список детей-сирот и детей, оставшихся без

⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2018 г. № 85-КГ17-38 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

¹¹ Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2020 год // <https://fssp.gov.ru/statistics>

¹² Российская газета. 27 декабря 1996 г.

попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями по договорам найма жилого помещения специализированного жилищного фонда. Такие судебные решения, с одной стороны, являются гарантией исполнения обязанности по обеспечению жилыми помещениями признанных нуждающимися в них лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а с другой стороны, позволяют учесть баланс между административным понуждением местных муниципалитетов и их реальными возможностями реализовывать такую гарантию.

Принимая во внимание отсутствие четкой регламентации на законодательном уровне особенностей исполнения отдельных требований неимущественного характера, неопределенность в ряде случаев административного органа, обеспечивающего исполнение требований данной категории, а также неоднозначные формулировки резолютивных частей судебных актов, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений отметил, что неоднозначность, неясность и недосказанность правового регулирования неизбежно препятствуют адекватному уяснению его содер-

жания и предназначения, допускают возможность неограниченного усмотрения публичной власти в процессе неприменения, создают предпосылки для административного произвола и непоследовательного правосудия, чем ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод¹³.

Таким образом, в отсутствие подробного законодательного регулирования особенностей исполнения судебных актов, содержащих отдельные требования неимущественного характера, в целях избежания необоснованно широкого усмотрения полномочий должностных лиц, их реализующих, нужно, чтобы сами судебные акты содержали четкий алгоритм их действий. В ином случае при реализации судебных актов рассматриваемой категории возникают риски как нарушения законности в действиях самих административных субъектов, так и создания условий для уклонения должников от исполнения путем оспаривания действий обеспечивающих исполнение лиц. ■

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 2020 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М.Г. Анциновой» // Российская газета. 28 октября 2020 г.

Ближайшие темы номеров:

- Суд присяжных
- Недропользование
- Защита и использование водных и воздушных объектов
- Процессуальные вопросы рассмотрения уголовных дел

Уважаемые читатели!

Направляйте ваши статьи и материалы, а также предложения относительно того, какие еще темы необходимо осветить в следующем году, на электронный адрес редакции info@zhurnalsudya.ru

С правилами оформления предоставляемой на публикацию статьи можно ознакомиться на сайте www.zhurnalsudya.ru в разделе АВТОРАМ.

Исполнение судебного решения как важнейший элемент права на справедливое судебное разбирательство

Лидия Владимировна Туманова

Тверской государственный университет, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации
г. Тверь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исполнительному производству по неимущественным требованиям как элементу права на справедливое судебное разбирательство. Показана неразрывная связь исполнения с содержанием судебного решения, отмечена необходимость изменения подходов к содержанию судебного решения и его резолютивной части с позиций законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, требования неимущественного характера, исполнение судебных актов, резолютивная часть судебного решения

Execution of judgments as a crucial element of the right to fair trial

Lidiya Vladimirovna Tumanova, Tver State University, Professor at the Judiciary and Law Enforcement Department, Doctor of Laws, Professor, Lawyer emeritus of the Russian Federation, Member of the High Judiciary Qualification Board of the Russian Federation, Tver, Russia

Annotation. The article studies the enforcement proceedings in cases related to non-pecuniary claims, as an element of the right to fair trial. It demonstrates that the enforcement proceedings and the content of a judgment are intrinsically linked, and points out at the necessity of modifying the approaches to the content of judgments and their operative parts from the point of view of the legislation and application of law.

Keywords: right to fair trial, non-pecuniary claims, enforcement of judgments, operative part of a judgment

Право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, намного шире текстуального содержания данной статьи, поскольку, как и другие конвенционные права, постоянно развивается в постановлениях Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Непосредственно в пункте 1 ст. 6 Конвенции названы следующие элементы рассматриваемого права: законный состав, независимость и беспристрастность суда, публичность и разумный срок разбирательства. Анализ понятия справедливости позволил дополнить их такими составляющими, как право на доступ к суду, на равные процессуальные возможности и состязательный характер процесса, на получение мотивированного судебного решения, а также на исполнение судебного решения.

Вряд ли нуждается в доказательствах тезис о том, что именно исполнение судебного решения является главным показателем справедливости судебного разбирательства. Ведь неисполненное судебное решение превращает в фикцию само право на судебную защиту. В то же время если решение будет исполнено в полном объеме и с соблюдением сроков, то, вполне вероятно, сторона в процессе закроет глаза на некоторые нарушения других элементов права на справедливое судебное разбирательство, к примеру принципа гласности.

«Эра России» в ЕСПЧ началась как раз с жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство в связи с неисполнением судебных решений. К сожалению, эта проблема до сих пор сохраняет актуальность, причем, как правило, применительно к неисполнению имущественных требований. В доктрине вопрос об исполнении судебного решения как элемента права на справедливое судебное разбирательство также анализируется чаще применительно к имущественным взысканиям. Например, С.Ф. Афанасьев отмечает, что «право на исполнение судебного решения, вступившее в закон-

ную силу, должно быть коррелятивно принципам реализации исполнительного документа в разумный срок и уважения собственности»². При этом недостаточное внимание уделяется проблеме исполнения решений, вынесенных по требованиям неимущественного характера, особенно в сфере семейных правоотношений. Между тем практика свидетельствует о наличии в данной области множества проблем, в том числе затрагивающих важнейшее личное право на уважение частной и семейной жизни.

В свете этого обсуждаются средства повышения эффективности деятельности приставов-исполнителей, например введение, наряду с государственной, частной системы принудительного исполнения судебных актов.

Исследование исполнения судебного решения как элемента права на справедливое судебное разбирательство наталкивается на «подводный риф», именуемый разделением властей. Деятельность приставов-исполнителей относится к полномочиям не судебной, но исполнительной власти, в связи с чем складывается двойственная ситуация: то ли право на справедливое судебное разбирательство является «службой двух господ», то ли, напротив, ему самому служат две системы власти, не в полной мере координирующие свою деятельность.

Можно отметить и некую условность объединения в одном органе – Федеральной службе судебных приставов – двух совершенно различных по статусу и функциям субъектов: приставов, которые обеспечивают порядок в суде, и приставов-исполнителей. С точки зрения логики если исполнение является частью права на справедливое судебное разбирательство, то оно должно быть не иллюзорной, а реальной стадией процесса, а приставы-исполнители должны и юридически стать судебными. По этой причине сложно согласиться со словами А.Н. Понома-

¹ Заключение в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 18.

судебно-разбирательство
требования неимущественного характера
исполнение судебных актов

рева об особенностях исполнительного производства. «Люди не сразу понимают, что они перешли в стадию исполнительного производства. Они еще избалованы гражданским процессом, его состязательностью, всем тем, чем «богаты» институты частного права. Оказавшись внутри исполнительного производства, трудно отказаться от всех этих «изобилий», но такие изобилия – это излишества для публичного права»³, – пишет он. Однако непонятно, почему автор относит процесс к сфере частного права и почему, по его мнению, в исполнительном производстве не нужен принцип состязательности. И уж тем более неясно, почему человеку не должно быть комфортно в стадии исполнения судебного решения.

Не обольщаясь надеждой на возможность такой структурной перемены (да и не считая ее единственной панацеей), отметим, что способы решения проблемы исполнения судебных актов (как решений, так и определений об утверждении мирового соглашения) по неимущественным требованиям следует искать в самой судебной деятельности. И здесь ключевым представляется содержание таких актов, а именно их резолютивной части.

Бесспорно, имеет значение и мотивировочная часть: как уже отмечалось, она также является элементом права на справедливое судебное разбирательство. От того, насколько убедительно изложены мотивы судебного решения, зависит, возникнет ли у сторон убеждение в законности и обоснованности этого решения, а такое убеждение – важный шаг на пути к добровольному исполнению решения или хотя бы к нечинению препятствий для его принудительного исполнения. Но, к сожалению, анализ мотивировочных частей судебных решений показывает, что, хотя объем мотивировки постоянно возрастает, это нередко обеспечивается не особой аргументацией и анализом конкретной

ситуации, а многочисленными цитатами из постановлений Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, актов ЕСПЧ. Конечно, такие ссылки тоже являются необходимыми (на что прямо указано в части 4¹ ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГПК РФ) и в части 4 ст. 180 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁵ (далее – КАС РФ)), но зачастую они носят формальный характер и повторяются не только в решениях одного судьи, но и в решениях, выносимых разными судьями и в различных регионах, в ущерб глубине анализа конкретных обстоятельств дела. Эта тенденция особенно заметна в делах об определении порядка общения с ребенком родителя или другого отдельно проживающего родственника, которых становится все больше. Ведь при всей схожести требований каждая жизненная ситуация уникальна, и судья должен, мотивируя судебное решение, найти аргументы, которые подходят именно для нее.

И все же, при всей значимости мотивировочной части судебного решения, как мы уже отметили, для исполнительного производства важна именно его резолютивная часть. Статья 198 ГПК РФ, посвященная содержанию судебного решения, достаточно скупо определяет содержание резолютивной части: вывод суда об отказе или удовлетворении иска, распределение судебных расходов и порядок обжалования. Дополнительно в статье 204 ГПК РФ предусмотрено, что в необходимых случаях в резолютивной части указывается порядок и срок исполнения решения, а также обращение его к немедленному исполнению. Наконец, статья 207 конкретизирует содержание резолютивной части судебного решения, если имело место соучастие.

Часть 6 ст. 180 КАС РФ предусматривает более подробное регулирование. Можно отметить такое требование к содержанию резолютивной части, как определение судьбы вещественных доказательств и решение вопроса о мерах предварительной защиты. Дополни-

³ Государственная и частная системы принудительного исполнения: сравнительный анализ и лучшие практики: сборник материалов 9-й Международной научно-практической конференции, 10–13 октября 2018 г., г. Сочи, Краснодарский край / отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. М., 2019. С. 326.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

тельные указания можно найти в специальных главах, посвященных отдельным категориям гражданских дел.

Судебное решение должно быть законным, обоснованным, полным, безусловным и определенным. Закон не допускает принятия альтернативных решений, оставляющих способ и сроки их исполнения на усмотрение заявителя, но не исключает возможности вынесения факультативных решений — предусматривающих дополнительный способ исполнения на случай, если основной, первоначальный, способ недоступен. Такая возможность следует из статей 205 и 206 ГПК РФ. Но буквальное прочтение этих норм позволяет сделать вывод, что факультативные варианты призваны в основном обеспечить исполнение имущественных требований. Особое правило части 2 ст. 206 ГПК РФ о действиях неимущественного характера, которые могут быть совершены только самим лицом, скорее относится к отношениям властно-распорядительного характера, поскольку в нем прямо упоминаются действия, которые должны совершить организация или коллегиальный орган.

Специфика требований неимущественного характера состоит в том, что предпочтительно они должны исполняться самим обязанным лицом, но возможно и принудительное их исполнение. Однако последнее требует обращения к совершенно особым методам, а главное — требует новых подходов к содержанию резолютивной части соответствующего судебного решения.

Наиболее сложными для исполнения являются решения по спорам, связанным с воспитанием детей. Если, например, исполнить решение о лишении родительских прав судебному приставу сложно чисто психологически, поскольку дети не всегда хотят расставаться со своими пусть и непутевыми, но родителями, то исполнение решений о порядке общения ребенка с одним из родителей или родственников чаще всего встречает активное противодействие того, с кем проживает ребенок. Как результат, пристав не всегда может помочь в исполнении такого решения и вправе сомневаться в том, соответствует ли принуждение к общению интересам ребенка.

Представляется, что в резолютивной части судебного решения, вынесенного по неимущественным требованиям, должны указываться более подробные сведения о способе и порядке его исполнения. В частности, практически все решения об урегулировании порядка общения с ребенком содержат достаточно стандартные данные, примерно такие: с 18 часов 00 минут пятницы до 18 часов 00 минут воскресенья каждую первую и третью неделю месяца по месту жительства истца по адресу... без присутствия ответчика... ежегодно в период летних каникул с... по... без присутствия ответчика... ежегодно в период зимних каникул с... по... в дни рождения и праздничные дни... общение посред-

Именно исполнение судебного решения является главным показателем справедливости судебного разбирательства

ством телефонной или видеосвязи... раза в неделю с... часов до... часов. Возможны дополнения, устанавливающие порядок посещения с ребенком праздников, зрелищных мероприятий и поездок с ним на отдых.

Но решения не содержат важных условий, действующих, например, на случай болезни ребенка и позволяющих, исходя из этого, сдвинуть график общения на другие дни и часы. Это дает почву для злоупотреблений тому родителю, с которым проживает ребенок. Кроме того, в решениях не указывается срок их исполнения в принятом варианте. Между тем ребенок растет, у него меняются потребности, интересы, и указанные в решении дни и часы, которые определялись применительно к пятилетнему ребенку, могут оказаться совершенно неприемлемыми для семилетнего школьника.

Сопоставление заявленных требований о порядке общения с ребенком с содержанием резолютивных частей судебных решений показывает, что дозволенное время общения, как правило, оказывается несколько меньше запрошенного, хотя и незначительно. Возможно, если в ходе разбирательства

стала очевидной острота конфликта между родителями или другими родственниками, то и в самом деле следует устанавливать минимальное время общения, но вместе с тем необходимо указывать срок действия этих правил. Это особенно актуально, когда ребенок еще не достиг десятилетнего возраста и при этом уже довольно давно не общался со вторым родителем или другим родственником. Такое минимальное общение легче организовать принудительно и заодно проверить, не противоречит ли даже оно интересам ребенка.

Возникает вопрос: как быть, когда закончится срок действия этого решения? Эта проблема может быть ре-

Закон не допускает принятия альтернативных решений, оставляющих способ и сроки их исполнения на усмотрение взыскателя, но не исключает возможности вынесения факультативных решений

шена путем внесения дополнений в статью 203 ГПК РФ и определения особого порядка изменения способа и срока исполнения решения, вынесенного по данной категории дел.

В настоящее время способом принуждения должника по неимущественным требованиям к исполнению обязательств являются штрафные санкции, применяемые в исполнительном производстве. Но практика показывает неэффективность этих средств. В связи с этим целесообразно предусматривать определенные негативные последствия в самой резолютивной части решения суда.

А.А. Парфенчикова⁶, рассматривая теорию мер косвенного принуждения в исполнительном производстве, особо отмечает значение этих мер для борьбы с уклонением от исполнения неимущественных требований, но при этом считает недопустимым их применение в качестве обеспечительных. Со-

глашаясь в принципе с этой позицией, можно предложить использовать меры косвенного принуждения как факультативный вариант, предусматривать в резолютивной части судебного решения их применение в случае неисполнения решения в установленный срок. Заслуживает внимания также идея Е.Н. Кулюшина⁷ о наделении суда «полномочиями по установлению астрэнта (судебной неустойки)» за каждый день просрочки исполнения. Это предложение было высказано в отношении должностных лиц, не исполняющих судебное решение, но может быть воспринято и для обеспечения исполнения всех неимущественных требований. Вместе с тем косвенные меры принуждения и штрафные санкции должны применяться с учетом интересов детей, дабы не ухудшить условий их жизни. Именно поэтому следует включать такие последствия в судебное решение, предварительно в ходе процесса исследовав условия жизни ответчика, а следовательно, и ребенка, который с ним проживает.

Говоря о требованиях неимущественного характера, можно также обратить внимание на исполнение судебных решений о защите чести, достоинства или деловой репутации. Исполнение в данном случае состоит в опровержении тех сведений, которые были признаны судом не соответствующими действительности. Опровержение выглядит более достоверно, как отмечает В.Н. Барсукова⁸, если исходит от распространителя информации, однако последний не всегда готов к этому.

Бесспорно, в этой ситуации должны применяться финансовые санкции, но главное, чтобы было восстановлено доброе имя, опороченное распространением недостоверной информации. Причем если опровержение недостоверной информации, размещенной в средствах массовой информации, обычно не вызывает проблем, то заставить сделать опровержение того, кто распространял не соответствующие действительности

⁶ Парфенчикова А.А. Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 13.

⁷ Кулюшин Е.Н. Суд первой инстанции как субъект административного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 15.

⁸ Барсукова В.Н. Механизм правовой защиты чести и достоинства человека: монография. М., 2020. С. 84.

сти сведения устно, гораздо сложнее. В качестве факультативного способа исполнения можно предложить публиковать полный текст судебного решения в зависимости от того, где и кому сообщалась недостоверная информация, например в соответствующем средстве массовой информации или на сайте организации, в которой работает истец. Если информация прозвучала на каком-либо массовом мероприятии, допустим собрании трудового коллектива, то возможно зачитать текст судебного решения при проведении аналогичного мероприятия.

Нередко информация, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию, размещается в сети Интернет. Принудительное исполнение судебных решений о ее опровержении в этих случаях бывает достаточно эффективным. Для повышения эффективности исполнения А.А. Мамаев⁹ предлагает предоставить взыскателю право обращаться непосредственно в Роскомнадзор, который должен удалить информацию, признанную судом недостоверной.

На первый взгляд исполнение большинства решений, принятых в порядке административного судопроизводства, не должно порождать проблем, поскольку за исполнение таких решений отвечают, как правило, органы и должностные лица, наделенные властными полномочиями. Тем не менее проблемы возможны, и их возникновение обусловлено самим содержанием судебных решений, к которому не установлено конкретных требований, в связи с чем резолютивные части таких актов нередко ограничиваются констатацией удовлетворения административного искового заявления.

Яркий пример — судебные решения, принимаемые в соответствии с главой 31¹ КАС РФ, регулирующей защиту интересов несовершеннолетних в случае отказа их законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни. Резолютивная часть решения нередко констатирует только два момента: признание

отказа от медицинского вмешательства незаконным и разрешение соответствующей медицинской организации провести медицинское вмешательство и лечение для спасения жизни ребенка.

Такая краткость, как показывает практика, часто вынуждает судебного пристава-исполнителя обратиться за разъяснением порядка и способа исполнения судебного решения. Если же суд подробно излагает, какое медицинское вмешательство или схема лечения необходимы, то затруднений в исполнении его решения не возникает.

В рамках этой категории дел есть еще одна важная проблема: возможность врачебной ошибки, которая переходит в ошибку судебную. К сожалению, такая возможность не исключается, поэтому очень важна обратная связь. Целесообразно установить обязанность медицинской организации, которая обратилась в суд, сообщать суду в месячный срок об исполнении судебного решения и последствиях этого.

В административном судопроизводстве каждая категория дел имеет свою специфику, но с позиций исполнительного производства особую сложность представляют дела о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию. Здесь нужно учитывать и опасность для здоровья судебного пристава-исполнителя, и необходимость проведения практически разыскных мероприятий. Поэтому в таких решениях также целесообразно указывать возможные санкции за их неисполнение, а мотивировочная часть должна содержать подробные данные о гражданине, на основе которых легче обеспечить исполнение такого решения.

Значение резолютивной части судебного решения можно иллюстрировать бесконечно, поскольку именно судебная деятельность обеспечивает все составляющие права на справедливое судебное разбирательство. В науке проблема резолютивной части судебного решения недостаточно исследована, поэтому, возможно, пришло время изменить отношение к трактовке ее содержания и рассмотреть вопрос о внесении дополнений и изменений в процессуальные законы, с тем чтобы не возникало дополнительных проблем при исполнении судебных актов. □

⁹ Мамаев А.А. Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 12.

обязательное лицо
злоупотребление правами
способ исполнения

Сочетание государственных и частных начал при исполнении требований неимущественного характера

Оксана Владимировна Исаенкова

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
заведующая кафедрой гражданского процесса,
доктор юридических наук,
профессор
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о проблемах исполнения требований неимущественного характера на российском и международном уровне. Исполнительные документы неимущественного характера делятся на группы, анализируется опыт различных государств по их реализации. Указывается, что решение отдельных проблем исполнения требований неимущественного характера может быть найдено через правильное сочетание государственных и частных начал в исполнительном производстве.

Ключевые слова: исполнительное производство, исполнительное право, требования неимущественного характера, система принудительного исполнения, принудительное исполнение, взыскатель, должник

Combination of public and private matters in the enforcement of non-pecuniary claims

Oksana Vladimirovna Isayenkova, Saratov State Law Academy, Head of the Civil Procedure Department, Doctor of Laws, Professor, Saratov, Russia

Annotation. The article deals with the issue of the enforcement of non-pecuniary claims on domestic and international levels. Enforcement documents of non-pecuniary nature are divided into groups, and foreign experience in the area of enforcement is analyzed. It is argued that the resolution of particular problems of the enforcement of non-pecuniary claims could be achieved through correct combination of public and private matters in enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, enforcement law, non-pecuniary claims, system of forced execution, forced execution, execution creditor, debtor

Проблемы исполнения требований неимущественного характера¹ являются на сегодня значимыми не только на российском, но и на международном уровне. Ф. Андрие, будучи президентом Международного союза судебных исполнителей, обозначил общий принцип данного вида исполнения — «кредитор имеет право на исполнение обязательств в натуре, выраженных точно и просто и не противоречащих обстоятельствам, перечисленным в виде претензии», при этом выделив три способа исполнения:

— принудительное лишение свободы должника (заметим, что даже во Франции оно ограничивается «определенными долгами перед государственной казной»);

— взыскание путем изъятия и продажи активов должника;

— так называемое прямое исполнение, направленное на то, чтобы «заставить должника выполнить обязательство по судебному решению»¹.

Что касается третьего способа, то М. Шмитц дополняет, что суд может предписать должнику выполнить обязательства или в натуральной форме, или по эквивалентной схеме, если натуральное обязательство невозможно или потеряло свое значение, при этом размер и условия штрафа за неисполнение «остаются целиком на усмотрение суда», что «на первый взгляд кажется... прекрасным способом обеспечить исполнение судебного решения»². Вместе с тем «в реальной жизни... судебные решения о применении принудительных мер отнюдь не являются панацеей», так как предполагают доказывание нарушения, ущерба

или потерь и причинно-следственной связи нарушения и ущерба или потерь, а «это не всегда легко сделать»³.

Заметим, что в российском исполнительном праве относительно исполнительных документов неимущественного характера (т.е. тех, в которых установлена обязанность должника совершить определенные действия (воздержаться от совершения определенных действий), не связанные с передачей денежных сумм или иного имущества) можно выделить две группы.

Первая группа включает в себя исполнительные документы, для исполнения которых необязательно личное участие должника, так как права взыскателя могут быть защищены вне зависимости от действий обязанного лица (например, необходимо снести самовольную постройку), т.е. орган принудительного исполнения практически может организовать исполнение без ущерба цели исполнительного производства и сути подлежащих восстановлению или защите правоотношений.

Вторую группу составляют исполнительные документы, по которым действия должны быть совершены только должником, так как при выполнении требований иными лицами, включая взыскателя и судебных приставов-исполнителей, содержание правоотношения изменяется настолько, что цель исполнительного производства не будет достигнута, а право взыскателя не будет восстановлено и (или) защищено. К таковым относятся, в частности, исполнительные документы по делам о диффамации, в которых указано на обязанность должника (бывшего ответчика) опубликовать опровержение, принести извинение, реализовать право взыскателя (истца) на ответ в том же средстве массовой информации и т.п.

При неисполнении должником таких требований в установленный срок судебный пристав-исполнитель применяет к должнику штраф и устанавливает следующий срок для исполнения. Неисполнение тех же требований в срок, вновь установленный судебным приставом-исполнителем

¹ См.: Андрие Ф. Принудительное исполнение документов о требованиях неимущественного характера // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения: сб. материалов 7-й Междунар. науч.-практ. конф., 9–11 июня 2016 г., г. Уфа / отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. М., 2017. С. 32–42.

² Шмитц М. Исполнение неимущественных исков в соответствии с бельгийским законодательством // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения. С. 47.

³ Там же. С. 49.

после наложения штрафа, влечет новое наложение штрафа. Получается, что проблемное исполнительное производство по исполнительным документам неимущественного характера становится основанием для возбуждения исполнительного производства по имущественным взысканиям, так как постановления судебного пристава-исполнителя о штрафных взысканиях являются исполнительными документами уже имущественного характера, на исполнение которых направлена основная часть норм Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁴.

Следует отметить, что судебное решение по требованиям неимущественного характера само по себе может вступить в законную силу (если не будет обжаловано), но качественный признак исполнимости становится его неотъемлемым свойством далеко не всегда. Конечно, при отказе в удовлетворении исковых и иных требований, при добровольном исполнении указанного в судебном решении обязательства признак исполнимости такого решения важен лишь теоретически. Практическая проблема возникает в случаях необходимости прину-

ваний этого судебного решения при отсутствии его добровольного исполнения. Да и наказание за неуважение к российскому суду (ст. 297 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵) как минимум в два раза тяжелее, чем оскорбление судебного пристава-исполнителя как представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Неоднократно отмечалось, что современный уровень исполнения судебных актов вообще и по требованиям неимущественного характера в частности оставляет желать лучшего. К проблемным моментам относят: несвоевременность исполнения, отсутствие опытно-правовых навыков у судебных приставов-исполнителей, нечеткий порядок регулирования разрешения судом вопросов, возникающих в исполнительном производстве, игнорирование отдельными должностными лицами и органами постановлений судебного пристава-исполнителя, ущербность самих судебных актов (к сожалению, обозначенная проблема не может быть решена реформой исполнительного законодательства, так как исключением возможности вступления в силу неясных, неконкретных и неисполнимых по другим подобным причинам судебных актов должны заниматься другие отрасли российского права), недостаточная материальная база службы исполнения.

Конечно, этот перечень далеко не полный, но он и не может таким быть, поскольку практика ежедневно сталкивается с новыми ситуациями и препятствиями на пути претворения в жизнь исполнительных документов. И если некоторые из обозначенных проблем могут быть достаточно легко ликвидированы, то для решения других понадобится организация взаимодействия практиков, ученых-правоведов и законодателя. К основным вопросам исполнительного производства перманентного характера, требующим длительной проработки, по нашему мнению, относятся несвоевременность исполнения, отсутствие четкой законодательной регламента-

Судебное решение по требованиям неимущественного характера само по себе может вступить в законную силу (если не будет обжаловано), но качественный признак исполнимости становится его неотъемлемым свойством далеко не всегда

дительного исполнения, когда лицо, в пользу которого состоялось судебное решение, получает исполнительный лист. И здесь обращает на себя внимание ситуация, что фраза «именем Российской Федерации», подчеркивающая значимость судебного решения, его воспитательное воздействие и исполнимость, не переносится в исполнительный лист, выданный на осно-

⁴ Российская газета. 6 октября 2007 г.

⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ции отдельных правоотношений, неоправданное использование в нормативных актах отдельных терминов и обозначений. Здесь невозможно не отметить условность применения законодателем прилагательного «судебный» по отношению к приставам-исполнителям, так как уже долгое время, фактически после реформы исполнительного производства 1997 года, приставы не состоят при судах и исполняют не только судебные акты⁶.

Решение отдельных проблем исполнения требований неимущественного характера может быть найдено через правильное сочетание государственных и частных начал в исполнительном производстве. Как известно, для России, как и для многих стран постсоветского пространства, характерна в чистом виде государственная организация системы принудительного исполнения всех судебных исполнительных документов. Государство через Федеральную службу судебных приставов (далее – ФССП) непосредственно организует принудительное исполнение, а постоянный контроль за деятельностью органов и должностных лиц ФССП осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации.

Сама идея о введении в российское исполнительное производство частного элемента витает в научно-правовом сообществе довольно долго, но четких практических очертаний в виде законопроектного материала, принятого к рассмотрению органами законодательной власти, так до настоящего времени и не приобрела. Появившийся более пятнадцати лет назад проект Федерального закона Российской Федерации «Об исполнительно-принудительной деятельности частных судебных приставов-исполнителей» характерен тем, что в пояснительной записке к нему, вопреки устоявшейся традиции обоснования актуальности

и необходимости принятия соответствующих норм в качестве обязательных правил поведения, было перечислено немало возможных негативных последствий: «злоупотребления со стороны судебных приставов-исполнителей, поскольку стимулом их деятельности будет являться стремление к получению как можно большей прибыли; угроза криминализации этого сегмента правовой деятельности ввиду значимости деятельности судебного пристава-исполнителя и возможности получения через него информации о деятельности должника и его платежеспособности»; «нельзя не учитывать (будто предостерегали авторы проекта от его принятия. – О.И.), что переход к независимой профессии судебного пристава может привести к значительному увеличению дохо-

Решение отдельных проблем исполнения требований неимущественного характера может быть найдено через правильное сочетание государственных и частных начал в исполнительном производстве

дов судебных приставов-исполнителей по сравнению с доходами других представителей юридических профессий, в частности судей, а это может повлечь за собой снижение престижа профессии судьи⁷. Полагаем, что увеличение дохода одних государственных служащих по сравнению с другими не сказывается на престиже последних, равно как уважение к одному ученому в научном сообществе не может уменьшиться потому, что другому ученому повысят оплату его труда.

Как видим, даже сторонники частного элемента в исполнительном производстве предостерегают от возможности злоупотреблений со стороны частных органов исполнения. Вместе с тем положительный опыт Литвы, в которой с 1 января 2003 г. после так

⁶ Подробнее см.: *Исаенкова О.В.* Исполнение судебных актов: тезисно // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О.В. Исаенковой. Саратов, 2020. С. 193–195.

⁷ *Улетова Г.Д.* Проект Федерального закона «Об исполнительно-принудительной деятельности частных судебных приставов-исполнителей». СПб., 2006. С. 3–7.

называемой приватизации системы судебных исполнителей была введена и успешно действует система исполнения, похожая, по утверждению В. Некрошюса, на латинский нотариат, показывает, что, несмотря на сокращение вдвое числа судебных исполнителей, объем работы выполняется, а жалоб взыскателей на бездействие судебных исполнителей, наводнявших ранее Министерство юстиции Литвы, практически нет⁸. Однако не всё так радужно и не защищены от злоупотреблений отдельных должностных лиц органов принудительного исполнения и европейские государства с большим историческим правовым опытом в данной области. Так, Суд Сау Жоау Нову в г. Порту (Португалия) приговорил к четырем годам лишения свободы бывшего судебного исполнителя и экс-президента Регионального совета Палаты поверенных, который присвоил 32 тыс. евро, полученных за счет описи квартиры должника. «Правосудие – последний бастион, которому люди доверяют решать свои проблемы, и вы [Ж.М. Анташ] предали это доверие», – заявил председательствующий на уголовном процессе судья⁹.

Нельзя игнорировать и отрицательный опыт, связанный с затягиванием исполнительного производства, в государствах с частными началами исполнительного производства. Например, в Италии решения исполняются в среднем за 413 дней¹⁰, а усиленный государственный надзор вызвал в Чехии необходимость обращения представителей Ассоциации судебных приставов к президенту Международного союза судебных исполнителей с проблемой «ничем не

обоснованного давления министра юстиции»¹¹.

Следует вместе с тем поддержать интересную идею французского гражданского процесса, в котором действует институт специализированного судьи по исполнительному производству. Однако определение компетенции судьи (с нашей точки зрения, правильнее говорить «специализации судей», хотя термин «специализация», используемый как в процессуальной теории, так и в судебной практике, пока не нашел официального закрепления) входит в предмет науки гражданского процессуального права, хотя и является значимым для исполнительного производства, влияя на эффективность защиты прав всех его участников.

Интересным также можно назвать предложение о возврате к мотивации судебных приставов-исполнителей к эффективному исполнению. Так, судья Е.А. Бузановская считает целесообразным вернуть возможность получения вознаграждения судебными приставами-исполнителями в процентах от принудительно взысканных сумм¹², но, так как подобный подход подходит лишь для взысканий, подлежащих денежной оценке, при его допущении необходимо предусмотреть вознаграждение в твердой денежной сумме по неимущественным взысканиям.

В заключение отметим, что нами приветствуется приоритет публичных начал над частными при исполнении требований неимущественного характера, поскольку во многих случаях лишь боязнь понести ответственность обязывает должника исполнять требования исполнительного документа. □

публичныеначала
государственныйнадзор
процессуальноеправо

⁸ См.: Некрошюс В. Гражданско-процессуальная реформа в Литве // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2. С. 189–191.

⁹ Португалия: судебный исполнитель присвоил описанные деньги // Слово. 18 декабря 2014 г.

¹⁰ См.: Малинато Г. Старые проблемы и новые тенденции в исполнительном производстве в специфической итальянской перспективе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 182.

¹¹ Плашил В. Информация об эффективности принудительного исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах, в Чешской Республике // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: сборник докладов. М., 2017. С. 146.

¹² См.: Бузановская Е.А. Некоторые проблемы исполнения судебных решений // Практика исполнительного производства. 2014. № 1–2. С. 16.

Проблемы эффективности исполнения судебных решений по спорам с участием несовершеннолетних

Наталья Анатольевна Бурашникова

Тамбовский областной суд,
заместитель председателя,
кандидат юридических наук
г. Тамбов, Россия

Аннотация. В статье проанализированы проблемные аспекты исполнения судебных актов в сфере семейно-правовых отношений, затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних детей. Обращено внимание на статус несовершеннолетних и действие принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в исполнительном производстве. Приведена практика судов по административным спорам, связанным с длительным неисполнением судебных решений. Внесены предложения, направленные на нормативное закрепление статуса несовершеннолетних в исполнительном производстве и введение комплекса мер, обеспечивающих эффективное исполнение судебных актов по спорам с их участием.

Ключевые слова: исполнительное производство, несовершеннолетние, семейно-правовые отношения, эффективность исполнительного производства, принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка

Problems of the effectiveness of the enforcement of judgements in cases involving minors

Nataliya Anatolyevna Burashnikova, Tambov Regional Court, Deputy President, Candidate of Laws, Tambov, Russia

Annotation: The article analyzes problematic aspects of the enforcement of judgements in family-law cases which affect the rights and legal interests of minors. It draws attention to the status of minors and the operation of the principle of ensuring a child's best interests in enforcement proceedings. It also analyzes the judicial practice in administrative disputes related to lengthy periods of non-enforcement. The author makes a number of suggestions aimed at enshrining the legal status of minors in enforcement laws and at introducing a set of measures ensuring effective enforcement of the judicial acts concerning minors.

Keywords: enforcement proceedings, minors, family-law cases, effectiveness of enforcement proceedings, the principle of ensuring a child's best interests

Право на своевременное исполнение судебных актов является неотъемлемой частью права на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство. Без реального исполнения судебное решение утрачивает какой-либо смысл и теряет свою силу. При этом исполнение судебных актов, вынесенных по неимущественным требованиям и возлагающих на гражданина обязанность лично совершить какое-либо действие, иногда оказывается более проблемным, нежели обычное взыскание денежных средств: здесь к юридическим проблемам исполнения присоединяется субъективный фактор. Необходимость личного совершения каких-либо действий, как правило, порождает эмоциональную напряженность участников исполнительного производства и риск различных конфликтных ситуаций. Соответственно, характер и особенности неимущественных требований, подлежащих исполнению, обуславливают специфику, во-первых, действия общих и специальных принципов исполнительного производства, а во-вторых, принимаемых мер принудительного исполнения, обеспечительных мер и мер ответственности.

Следует отметить, что как с практической, так и с теоретической точки зрения большое количество вопросов порождает исполнение судебных актов в семейно-правовой сфере, связанных с определением места жительства детей либо порядка общения детей с родителями, бабушками, дедушками, иными родственниками. Особенности исполнительного производства по неимущественным требованиям об осуществлении родительских и иных семейных прав вызваны прежде всего участием в этом виде производства, помимо его сторон, несовершеннолетнего ребенка, а также непростым субъектным составом и содержанием спорных семейных правоотношений.

Как справедливо отмечала Т.В. Богданова, «сложность работы судебных приставов, осуществляющих защиту прав несовершеннолетних, обусловлена целым рядом факторов и прежде всего эмоциональным восприятием детьми и подростками складывающихся семейных отношений. Субъектами исполнительных правоотношений явля-

ются родители, нередко выступающие антагонистами по отношению друг к другу, бабушки, дедушки, усыновители, опекуны, а также органы опеки и попечительства. Многосубъектность данных правоотношений затрудняет исполнение решения суда»¹.

Но какое же правовое положение занимает несовершеннолетний ребенок в исполнительном производстве? Какими правами и обязанностями он наделен?

Состав лиц, участвующих в исполнительном производстве, определен ст. 48 Закона об исполнительном производстве², которая относит к кругу его субъектов:

- 1) взыскателя и должника (стороны исполнительного производства);
- 2) лиц, непосредственно исполняющих требования, содержащиеся в исполнительном документе (судебные приставы-исполнители, банковские учреждения и т.д.);
- 3) иных лиц, содействующих исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе (переводчик, понятые, специалист, лицо, которому судебным приставом-исполнителем передано под охрану или на хранение арестованное имущество, и др.).

Таким образом, несовершеннолетние, в отношении которых исполняются судебные акты, в состав участников исполнительного производства законодателем не включены. Иначе говоря, Законом не определен ни их статус в исполнительном производстве, ни круг их прав и обязанностей.

В научных исследованиях несовершеннолетние также не всегда выделяются в отдельную категорию участников исполнительного производства.

Так, В.В. Ярков предлагает следующую классификацию субъектов исполнительного производства: органы принудительного исполнения; суд как участник исполнительного производ-

¹ Богданова Т.В. Защита прав и интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014 // <https://www.dissertcat.com/content/zashchita-prav-i-interesov-nesovershennoletnikh-v-ispolnitelnom-proizvodstve>

² Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 6 октября 2007 г.

ства; стороны исполнительного производства — взыскатель, должник и их представители; лица, содействующие совершению исполнительных действий (налоговые органы, банки, учреждения юстиции, переводчики, понятые, специалисты и т.д.)³.

Аналогичной позиции придерживается В.М. Шерстюк, выделяющий в составе субъектов исполнительного производства органы принудительного исполнения; суд; стороны (взыскателя и должника); других участников исполнительного производства (переводчика, понятого, специалиста), функции которых заключаются в оказании содействия органам принудительного исполнения и сторонам в достижении цели исполнительного производства — реальном восстановлении нарушенных или оспоренных прав⁴.

Г.Д. Улетова предлагает разделить всех участников исполнительного производства на четыре группы: 1) лица, осуществляющие принудительное исполнение; 2) стороны (взыскатель и должник); 3) лица, содействующие исполнительному производству (представители сторон, прокурор, переводчик, понятые, специалисты и т.д.); 4) лица, не имеющие процессуальной и материальной заинтересованности в результатах исполнительного производства, но содействующие законной реализации юрисдикционных актов (налоговые органы, банки и иные небанковские финансовые учреждения, другие органы, организации, должностные лица и граждане — в случаях, предусмотренных федеральным законом)⁵.

Признавая предложенную данными исследователями классификацию участников исполнительного производства предметно-обоснованной, заметим, что в ней нет места для несовершеннолетних детей, в отношении которых совершаются исполнительные действия. А ведь именно их права и за-

конные интересы затрагиваются при исполнении судебных актов, определяющих порядок их воспитания и место их проживания. Несмотря на то, что обязанность обеспечить исполнение соответствующих судебных актов возлагается на родителей (законных представителей) ребенка, дети непосредственно участвуют в исполнении данных актов, например переезжают к другому родителю, с которым судом было определено его проживание, или придерживаются установленного судом порядка общения с одним из родителей либо иными близкими родственниками.

Нам представляется оправданной и обоснованной классификация участников исполнительного производства, предложенная Н.Н. Чигориным, который включает в их число лиц, чьи права могут быть так или иначе затронуты (нарушены) при исполнении решений.

Несовершеннолетние, в отношении которых исполняются судебные акты, в состав участников исполнительного производства законодателем не включены

Полагаем, что именно к этой группе субъектов могут быть отнесены несовершеннолетние дети, участвующие в исполнительном производстве.

Особенность рассматриваемых исполнительных производств заключается еще и в том, что, несмотря на наделение судебных приставов-исполнителей определенным объемом властных полномочий по принудительному исполнению судебных актов, исполнение их в данном случае не должно носить характер принуждения для ребенка: например, его нельзя против воли заставить общаться с родителем в установленное судом время. Здесь требуется принимать во внимание физическое, психологическое состояние ребенка, его эмоциональное отношение к родителю.

Поэтому, на наш взгляд, в дополнение к иным принципам исполнительного производства, в исполнительном производстве с участием несовершеннолетних должен действовать и, более того, иметь приоритетное значение установленный Конвенцией о правах

³ См.: Гражданский процесс: учеб. для вузов / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2006. С. 548–552.

⁴ Гражданский процесс: учеб. для вузов / отв. ред. М.К. Треушников. М., 2003. С. 550–557.

⁵ Улетова Г.Д. Сравнительный анализ исполнительного производства по законодательству Казахстана и России // Заметки о современном гражданском и арбитражном праве. М., 2004. С. 315–325.

ребенка⁶ принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка при совершении любых касающихся его действий, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами.

Высказанные нами рассуждения о необходимости включения детей в состав участников исполнительного производства не носят сугубо теоретического характера, а направлены на соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, а также на эффективность исполнения судебных актов в их отношении.

Ведь если дети не поименованы в федеральном законе как субъекты исполнительного производства, то не существует и правовой регламентации их прав и обязанностей, а такое положение, как видится, не соответствует принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка.

По нашему мнению, данная ситуация заслуживает внимания законодателя и требует от него закрепления на нормативном уровне статуса несовершеннолетних и определения объема их прав и обязанностей, в том числе право- и дееспособности, в зависимости от возраста.

Каким может быть объем прав и обязанностей детей в исполнительном производстве? Как видится, следует определять его исходя из основополагающих прав ребенка, установленных актами международного права и российским семейным законодательством.

Так, согласно Конвенции о правах ребенка последний имеет право на защиту и заботу со стороны государства, которые необходимы для его благополучия (ст. 3); на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи (ст. 8); на неразлучение со своими родителями вопреки их желанию, а в случае раздельного проживания — право поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями

ми, если только это не противоречит его наилучшим интересам (ст. 9).

Особого внимания заслуживает право ребенка свободно выражать свои взгляды по всем затрагивающим его интересы вопросам, закрепленное как в статье 13 Конвенции о правах ребенка, так и в статье 57 Семейного кодекса Российской Федерации⁷ (далее — СК РФ). С целью реализации данного права ребенку, в частности, предоставляется возможность быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства — либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном процессуальными нормами национального законодательства.

Полагаем необходимым обеспечить реализацию данного права и в исполнительном производстве: ребенок, достигший определенной умственной зрелости, должен иметь возможность высказывать свое мнение по поводу вопросов, возникающих в ходе такого производства, и это мнение должно учитываться судебными приставами-исполнителями.

Например, в правоприменительной практике встречаются случаи, когда ребенок выражает несогласие на общение с отдельно проживающим родителем в установленное судом время и (или) в определенном им месте. В этой ситуации позиция ребенка, как правило, учитывается судебным приставом-исполнителем, а совместно проживающий с ребенком родитель не привлекается к административной ответственности за неисполнение судебного акта, поскольку такое связано с отказом самого ребенка от общения с другим родителем. Суды исходят из отсутствия вины родителя как обязательного элемента состава административного правонарушения⁸.

Вместе с тем считаем, что позицию несовершеннолетнего, включая его отказ от общения с отдельно проживающим родителем, нельзя воспринимать как априори осмысленную и полноценную, ведь мнение ребенка может быть

⁷ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁸ См.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2017 г. № 12-АД17-4 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

незрелым, несамостоятельным как в силу возраста, так и в силу воздействия второго родителя, не желающего допустить разрешенное судом общение. Учет мнения ребенка необходим, но ему непременно должна сопутствовать оценка психофизиологических особенностей ребенка и возможности формирования его мнения под влиянием одного из родителей. Иначе говоря, судебному приставу-исполнителю для понимания причин неисполнения судебного акта необходимо прежде всего получить заключение специалиста-психолога относительно самостоятельности и осознанности мнения ребенка и только затем принимать какое-либо решение – уже с учетом данного заключения.

На наш взгляд, приведенные особенности исполнения судебных актов по неимущественным требованиям, связанным с воспитанием и проживанием несовершеннолетних детей, должны быть урегулированы на законодательном уровне, чтобы судебные приставы-исполнители изначально обладали определенным алгоритмом действий, позволяющим достичь эффективности исполнительного производства.

В настоящее время в статье 109³ Закона об исполнительном производстве подробно регламентированы только особенности исполнения требований об отобрании ребенка и его передаче другому лицу – в этом случае исполнительные действия осуществляются с обязательным участием органа опеки и попечительства и лица, которому передается ребенок; при необходимости судебный пристав-исполнитель также привлекает к участию в исполнительном производстве представителя органов внутренних дел, детского психолога, врача, педагога, переводчика и иных специалистов. По фактам отобрания и передачи ребенка судебным приставом-исполнителем составляется акт.

В отношении же исполнения требований об определении порядка общения с ребенком механизм действий судебного пристава-исполнителя, учитывающий особенности и субъектный состав участников исполнительного производства, в законе не прописан.

Между тем именно исполнение таких требований вызывает большое количество вопросов в правоприме-

нительной практике. Как должен поступить судебный пристав-исполнитель, если родитель, с которым проживает ребенок, отказывается передать ребенка для общения другому родителю? Как проверить и оценить причины такого отказа? Как быть в случае отказа самого ребенка от общения? Как установить добровольность и осознанность такого отказа?

Отсутствие ответов на эти вопросы порождает, в частности, проблему длительного неисполнения судебных актов, устанавливающих порядок общения ребенка с одним из родителей.

Так, решением Мичуринского городского суда Тамбовской области от 13 мая 2016 г.⁹ определен порядок общения отца с его несовершеннолетним сыном – по месту жительства отца, в определенные часы, в выходные дни.

Принимая соответствующее решение, суд первой инстанции исходил прежде всего из интересов ребенка, имеющего право на общение с обоими родителями. Реализации этого права препятствовала мать ребенка, с которой у заявителя сложились неприязненные отношения, что исключало возможность общения отца и сына по месту жительства матери. Судом также было учтено, что отец материально обеспечен и обладает положительными характеристиками, в его доме созданы условия для нормального проживания ребенка, а сам мальчик ранее постоянно проживал в доме отца, соответственно, обстановка в нем является для него привычной.

Исполнительное производство по данному решению было возбуждено 4 октября 2016 г., однако до настоящего времени, т.е. на протяжении 4,5 лет, требования исполнительного документа не исполняются.

Мать мальчика 35 раз привлекалась к административной ответственности за неисполнение судебного акта с назначением наказания в виде штрафа. Однако все штрафы на общую сумму более 80 тыс. руб. были уплачены и не повлияли на позицию матери о недопустимости общения ребенка с отцом.

Отец ребенка неоднократно обжаловал бездействие судебных приста-

⁹ Архив Мичуринского городского суда Тамбовской области, 2016 г.

фактическое исполнение

применен санкций

административное взыскание

вов-исполнителей в порядке главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹⁰. Эти требования были оставлены без удовлетворения, поскольку судами было установлено, что судебным приставом-исполнителем предприняты все необходимые действия по принудительному исполнению, с привлечением органов опеки, педагогов, психологов, однако мать продолжает препятствовать общению ребенка с отцом.

Эта проблема, не являющаяся единичной для судебной практики, заставляет задуматься об эффективности исполнительного производства по рассматриваемым требованиям.

Какие действия должны быть совершены судебным приставом-исполнителем для того, чтобы судебный акт был исполнен своевременно, правильно и достиг своей цели; чтобы судебное разбирательство по делам, связанным со спорами о детях, соответствовало критерию справедливости в значении, придаваемом ему статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹¹ (далее – Конвенция)?

Представляется, что в данном случае следует обращаться к целому ком-

плексу мер, которые можно разделить на три группы: меры, содействующие исполнению судебного акта; меры, понуждающие должника к исполнению судебного акта; меры ответственности за неисполнение судебного акта.

Говоря о первой группе мер, следует выделить среди них привлечение специалистов: педагогов, психологов, представителей органов опеки и попечительства. Их квалифицированное мнение поможет судебному приставу-исполнителю установить оптимальный баланс интересов должника и взыскателя на основе принципа обеспечения наилучших интересов ребенка.

Полезным также было бы обратиться к процедуре медиации: помещение конфликтующих родителей за стол переговоров может способствовать заключению мирового соглашения между ними, защите прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Меры второй группы, понуждающие должника к соблюдению установленного судом порядка общения с ребенком, закреплены в общих нормах Закона об исполнительном производстве, – это установление временного ограничения на выезд должника за пределы Российской Федерации, на пользование должником специальным правом управления транспортными средствами (ст. 67, 67¹). Полагаем, что данные меры должны активно применяться судебным приставом-исполнителем в случае неисполнения решения, связанного со спором о детях. Кроме того, на наш взгляд, возможно введение дополнительных ограничений имущественного и неимущественного характера. Главное, чтобы применяемые меры не противоречили принципу обеспечения наилучших интересов ребенка.

То же концептуально касается и мер третьей группы, предусматривающих ответственность за неисполнение судебного акта: они должны создавать негативные последствия только для должника и не нарушать права и законные интересы несовершеннолетних.

Следует учитывать, что, помимо мер ответственности, предусмотренных Законом об исполнительном производстве (ст. 112) и Кодексом Российской Федерации об административных пра-

¹⁰ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

¹¹ Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

во нарушениях» (ч. 2 ст. 5.35, ч. 1 ст. 17.15), негативные последствия неисполнения судебного решения об определении порядка общения с ребенком определены также СК РФ: согласно пункту 3 его ст. 66 при злостном невыполнении решения суда суд по требованию родителя, проживающего отдельно от ребенка, может вынести решение о передаче ему ребенка, исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

Между тем данная мера семейно-правовой ответственности не всегда оказывается действенной. Ее применение создает юридические последствия не только для родителя, препятствующего исполнению судебного акта, но и для ребенка, что не во всех случаях отвечает принципу наилучшего обеспечения его интересов.

Так, в приведенном нами выше примере из практики отец ребенка дважды обращался в суд с требованиями об изменении места жительства ребенка, а также с иском о передаче ему ребенка в связи со злостным неисполнением матерью судебного решения. Отказывая в удовлетворении исков, суды исходили из положений Декларации прав ребенка¹³, согласно принципу 6 которой малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью.

Судами было установлено, что со стороны матери действительно имеет место злостное неисполнение решения и что именно поведение матери способствовало тому, что в настоящее время малолетний не знает своего родного отца и отказывается с ним общаться.

Однако в связи с отсутствием у ребенка эмоционального отношения и привязанности к отцу ввиду длительного перерыва в общении передача ребенка на воспитание отцу является для него психотравмирующей ситуацией и может негативным образом повлиять на его психику.

В свете этих обстоятельств суды отказали в удовлетворении иска, полагая, что передача мальчика отцу не будет отвечать интересам ребенка. Суды также не усмотрели в данном случае исключительных обстоятельств, которые могли бы послужить основанием для разлучения ребенка с его матерью.

Данный спор в настоящее время передан на разрешение Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Отец ребенка, ссылаясь на статьи 6 и 8 Европейской конвенции, а также на статью 5 Протокола № 7 к ней¹⁴, полагает нарушенным свое право на уважение семейной жизни, а также обжалует бездействие национальных властей, не принявших эффективных мер для обеспечения контакта заявителя с его сыном.

Следует отметить, что аналогичные ситуации уже становились предметом рассмотрения ЕСПЧ. Так, в постановлении по делу «А.Б.В. (A.B.V.) против Российской Федерации» Суд указал, что

Помещение конфликтующих родителей за стол переговоров может способствовать заключению мирового соглашения между ними, защите прав и законных интересов несовершеннолетнего

«взаимная радость родителя и ребенка от общения друг с другом является основополагающим элементом «семейной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции»¹⁵. ЕСПЧ признал обязанность властей государства принимать меры, способствующие встречам между родителем и ребенком, однако оговорил, что «любое обязательство по применению принуждения в этой области должно быть ограничено, поскольку интересы (такие, как права и свободы) всех заинтересованных лиц должны приниматься во

¹² СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹³ Принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». М., 1995. Вып. 11.

¹⁴ Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3835.

¹⁵ Пункт 68 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2018 г. по делу «А.Б.В. (A.B.V.) против Российской Федерации» (жалоба № 56987/15) // Бюллетень ЕСПЧ. 2019. № 8.

внимание, как и наилучшие интересы ребенка и его права, предусмотренные в статье 8 Конвенции. Если контакт с родителем может казаться угрожающим данным интересам и нарушающим эти права, власти должны установить справедливый баланс между ними. Решающим фактором является то, приняли ли власти все необходимые меры, чтобы способствовать контакту в той мере, в какой этого можно было разумно требовать при обстоятельствах конкретного дела»¹⁶.

Применив приведенные принципы при рассмотрении жалобы А.Б.В., ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка должен оставаться приоритетным ориентиром для всех действий государства

статьи 8 Европейской конвенции, поскольку власти Российской Федерации действовали недостаточно оперативно и не принимали разумных мер для того, чтобы способствовать воссоединению заявителя с дочерью. Их бездействие вынудило заявителя использовать самые разные средства в попытке осуществления своих прав. ЕСПЧ отметил тот факт, что задача властей Российской Федерации усложнялась ввиду напряженных отношений между заявителем и матерью ребенка, однако заключил, что «отсутствие сотрудничества между разошедшимися родителями не является обстоятельством, которое само по себе может освободить власти от их позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции. Скорее, на государственные органы власти накладывается обязанность принять меры по примирению конфликтующих сторон, принимая во внимание наилучшие интересы ребенка»¹⁷.

Отметим, что проблемы исполнения судебных актов, вынесенных по спорам с участием детей, возникают не только из-

за конфликта родителей, но и по мере взросления самих детей и изменения их отношений с родителями. Нельзя не согласиться с позицией М.З. Шварца, констатирующего, что исполнительный лист по делам, связанным с воспитанием детей, «имеет весьма ограниченный «срок годности», «развитие ребенка, его рост, изменение личностных характеристик заставляют заново обсуждать вопрос о режиме общения ребенка с тем или иным родственником, о том, остается ли это общение столь же полезным, как полагал суд при вынесении решения»¹⁸.

Здесь также встает вопрос об алгоритме действий судебного пристава-исполнителя: не должен ли он прекратить производство, установив, что фактическое исполнение судебного акта невозможно и что прекращение исполнительного производства будет отвечать интересам ребенка? Ведь принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка должен оставаться приоритетным ориентиром для всех действий государства. Соответственно, и родители в изменившихся условиях должны заново определить оптимальный порядок общения с ребенком и его воспитания, а не настаивать на исполнении судебного акта, утратившего со временем свою актуальность.

В заключение отметим, что вопросов, связанных с исполнительным производством в отношении судебных актов, определяющих порядок проживания, воспитания детей и общения с ними, действительно очень много, их невозможно полностью раскрыть в формате **одной статьи**. Полагаем, что все они нуждаются в обсуждении как в научной среде, так и на уровне федерального законодателя. На наш взгляд, действующий в настоящее время механизм исполнения таких судебных актов требует дополнительной правовой регламентации. □

¹⁸ Шварц М.З. Некоторые дискуссионные вопросы исполнения требований неимущественного характера в рамках исполнительного производства // Порядок исполнения требований неимущественного характера, содержащихся в исполнительных документах: проблемные вопросы и пути их решения: сб. материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Аристов, В.А. Гуреев. М., 2017. С. 279–286.

¹⁶ Пункт 70 Постановления ЕСПЧ от 2 октября 2018 г. по делу «А.Б.В. (A.B.V.) против Российской Федерации».

¹⁷ Там же. П. 78, 79.

Проблемы исполнения судебных решений об административном выдворении

Андрей Игоревич Сидоренко

Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации,
ведущий научный сотрудник отдела судебной практики
и правоприменения,
кандидат юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основания и пределы допустимого срока содержания в специализированном учреждении лица, ожидающего административного выдворения, с учетом практики Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, а также кассационных судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: выдворение, содержание в специализированном учреждении, заключение под стражу, судебная практика, кассационные суды общей юрисдикции

Problems of the enforcement of the judgments ordering administrative expulsion

Andrey Igorevich Sidorenko, Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Leading Research Fellow at the Department of the Judicial Practice and Application of Law, Candidate of Laws, Moscow, Russia

Annotation. The article studies the grounds and the limits for the permissible detention, in a specialized institution, of a person awaiting administrative expulsion, taking into consideration the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the case-law of the European Court of Human Rights, and the practice of the cassation courts of general jurisdiction.

Keywords: expulsion, detention in a specialized institution, ordering detention, judicial practice, cassation courts of general jurisdiction

Обеспечение соблюдения миграционного законодательства является важной задачей органов государственной власти. При этом в специальных исследованиях, посвященных данной тематике, отмечено, что административная ответственность таких категорий мигрантов, как иностранные граждане и лица без гражданства, усиливается¹. В этих условиях крайне важно обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Вопрос о применении к иностранным гражданам и лицам без гражданства, подлежащим административному выдворению за пределы Российской Федерации (далее – административное выдворение, выдворение), обеспечительной меры по содержанию в специализированном учреждении (далее – спецучреждение), относится к дискреции суда, который вынужден в каждом конкретном случае исследовать целесообразность такого содержания и оценивать эффективность применяемых органами исполнения наказаний мер по скорейшему выдворению.

Судебный порядок применения санкции в виде административного выдворения иностранного гражданина или лица без гражданства предусмотрено статьями 32, 31.0, 18.8, 18.10, 18.18, 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП) в качестве дополнительного, наряду со штрафом, наказания за нарушение правил въезда либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации. На суд при этом возложено принятие решения об определении порядка выдворения: либо в форме контролируемого самостоятельного въезда лица, привлекаемого к административной ответственности, в течение пяти дней после дня вступления в силу соответствующего постановления судьи (если нарушение не повторное), либо в виде принудительного и контролируемого перемещения лица за пределы Российской Федерации.

В силу статьи 27.19 КоАП и Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»³ принудительное выдворение предполагает

препровождение привлекаемого к ответственности лица прямо из зала суда в спецучреждение, в котором это лицо должно содержаться до момента его доставки к месту выдворения уполномоченными органами исполнения наказаний. Документом, оформляющим исполнение данного наказания, является двусторонний или односторонний акт, в зависимости от обстоятельств выдворения, а также международный договор с принимающим государством, предусматривающий передачу лица, подлежащего административному выдворению, представителю властей этого государства (п. 4 ст. 32.10 КоАП).

При рассмотрении подобных дел суды сталкиваются с проблемой невозможности фактического исполнения судебного акта. Как быть, если лицо, незаконно пребывающее на территории Российской Федерации, не может быть выдворено в связи с отсутствием у него гражданства? Каковы основания и пределы для его содержания в спецучреждении в ожидании выдворения? По вполне очевидным причинам отказ применять санкцию, предполагающую выдворение лица, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении, не является желательным выходом из этой ситуации. Однако и содержание такого лица в спецучреждении в течение неопределенного срока, в ожидании согласия какого-либо государства его принять, также не отвечает целям правосудия.

Выдворение лица без гражданства специально упоминается в приведенных выше статьях КоАП. В частности, на суды и органы исполнения наказаний возложена обязанность реализации данных законодательных положений и принятия исчерпывающих мер по выдворению незаконно пребывающих на территории Российской Федерации лиц.

Вопрос о пределах допустимого ограничения свободы лиц, подлежащих выдворению, был рассмотрен Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС) в Постановлении от 23 мая 2017 г. № 14-П⁴ (далее – Постановление № 14-П). С учетом

¹ См.: Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2019. С. 238.

² СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁴ Постановление КС РФ от 23 мая 2017 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г. Мсхиладзе» // Российская газета. 2 июня 2017 г.

конституционно-правового смысла статьи 22 Конституции КС высказал, помимо прочего, следующие позиции:

1) задержание на неопределенный срок «не может рассматриваться как допустимое ограничение права на свободу и личную неприкосновенность». При этом положения статьи 22 Конституции распространяются не только на арест, но и на любые формы лишения свободы;

2) само понятие «лишение свободы» имеет автономное значение, т.е. независимо от отраслевых законодательных ограничений той или иной его фактической формы, в том числе при привлечении к ответственности за совершение уголовных и административных правонарушений;

3) неопределенность сроков содержания в спецучреждении превращает его из обеспечительной меры в карательную, в то время как КоАП соответствующей санкции не предусматривает;

4) «законодателю надлежит установить специальный миграционный статус лица без гражданства».

Таким образом, КС заключил, что порядок и сроки содержания лица в спецучреждении должны быть ясными для привлекаемого к ответственности лица. Следует обеспечить возможность судебного пересмотра вопроса о правомерности такого содержания по правилам, аналогичным пересмотру вопроса о правомерности содержания под стражей, с учетом личности выдворяемого лица. Кроме того, КС констатировал, что подход, предложенный им еще в 1998 г.⁵, в силу которого срок задержания для целей выдворения не может быть неопределенным, на момент принятия Постановления № 14-П законодательно не закреплен.

Выводы, отраженные в Постановлении № 14-П, соответствуют практике, сформированной в отношении Российской Федерации Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в связи с имевшей ранее место проблемой неопределенности на законодательном уровне статуса лица, ожидающего выдачи в связи с экстрадицией. В известном

деле «Насруллоев против России»⁶ ЕСПЧ признал, что уголовно-процессуальные правила содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции, не отвечают требованию правовой определенности и вытекающему из него требованию «качества закона», подразумевающему действительное, а не формальное исполнение прав, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷. Законодательство о лишении свободы должно быть предсказуемым, чтобы избежать риска произвола (§ 66 соответствующего постановления).

В постановлении по делу «Азимов против России»⁸ ЕСПЧ указал, что содержание под стражей должно быть основано на законе, а продолжительность такого содержания – соответствовать, т.е. быть соразмерной, преследуемой законной цели (§ 162). Недопустимо применять обеспечительный механизм административного выдворения по скрытым мотивам, в частности после истечения срока содержания под стражей в связи с экстрадицией: и то и другое представляет собой содержание в ожидании высылки (§ 165).

Также ЕСПЧ критически относится к возможности содержания лица в спецучреждении в течение срока давности исполнения административного наказания, который в силу части 1 ст. 31.9 КоАП составляет два года со дня вступления соответствующего судебного акта в законную силу. В постановлении по делу «Акрам Каримов против России»⁹ ЕСПЧ установил необоснованность лишения лица свободы на двухлетний срок в рамках применения обеспечительной меры (содержания в спецучреждении) с учетом того, что максимальный срок лишения свободы, установленный в качестве административного

⁵ Постановление КС РФ от 17 февраля 1998 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // Российская газета. 3 марта 1998 г.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации» (жалоба № 656/06) // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к Бюллетеню ЕСПЧ. Специальный выпуск. 2008. № 3.

⁷ Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁸ Постановление ЕСПЧ от 18 апреля 2013 г. по делу «Азимов (Azimov) против Российской Федерации» (жалоба № 67474/11) // Бюллетень ЕСПЧ. 2014. № 3.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 28 мая 2014 г. по делу «Акрам Каримов (Akram Karimov) против Российской Федерации» (жалоба № 62892/12) // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 2.

срок давности

неопределенный срок

содержание под стражей

наказания (административный арест), согласно части 1 ст. 3.9 КоАП составляет тридцать суток (§ 192). Анализируя основания для содержания лица в спецучреждении, ЕСПЧ отметил, что власти не пересматривали вопрос о правомерности содержания лица под стражей по заявлениям задержанного мигранта, а также не предпринимали попыток найти «альтернативные решения» (§ 192–193). Нужно сказать, что на неоправданную продолжительность двухлетнего содержания в специальном учреждении указывалось и в литературе¹⁰.

Исследуя соблюдение критерия законности содержания под стражей, ЕСПЧ в постановлении по делу «Ниязов против России»¹¹ посчитал, что факт отмены судом кассационной инстанции и возвращения дела в суд первой инстанции для повторного рассмотрения не делает автоматически постановление о назначении административного наказания незаконным, если только допущенная нижестоящим судом ошибка не была «серьезным и очевидным нарушением» (§ 174). К таким нарушениям, в частности, относится признание судом кассационной инстанции изначальной недопустимости применения меры ответственности в виде выдворения (§ 179).

Указанные положения практики ЕСПЧ вытекают из основополагающего конвенционного принципа верховенства права, требующего при ограничениях прав и свобод обеспечивать правовую определенность, соразмерность и пропорциональность применяемых мер. Лицо, в отношении которого ведется производство по административному делу (а для ЕСПЧ нет привычной российскому юристу существенной разницы между административным и уголовным делом¹²), должно

быть осведомлено о своих правах и обязанностях.

Приведенные подходы КС и ЕСПЧ в том или ином виде получили свое отражение в практике кассационных судов общей юрисдикции (далее – КСОЮ), которая, впрочем, на сегодняшний день не отличается однородностью.

Так, в постановлении Девятого КСОЮ от 5 марта 2021 г. № 16-145/2021¹³ указано, что содержание лица в спецучреждении допустимо, пока не утрачена фактическая возможность выдворения; отсутствие гражданства само по себе не является основанием для отказа от обеспечительных мер по содержанию в спецучреждении; двухлетний срок со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания на момент рассмотрения дела не истек (ст. 109¹ Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹⁴), в связи с чем, опять же, нет оснований для отказа от примененной обеспечительной меры.

В постановлении Восьмого КСОЮ от 22 октября 2020 г. № 16-6141/2020¹⁵ сделан вывод о необходимости приостановления выдворения до рассмотрения дела ЕСПЧ, а также об обязательном учете позиции КС, выраженной в Постановлении № 14-П, в части длительности срока содержания. Здесь, однако, необходимо напомнить, что в деле «Аркам Каримов против России» ЕСПЧ четко указал: факт приостановления исполнения решения о выдворении в связи с принятием ЕСПЧ временных мер (*interim measures*) в порядке ст. 39 Регламента данного Суда¹⁶ не должен приводить к необоснованно длительному содержанию лица под стражей. Судам надлежит осуществлять периодический пересмотр целесообразности такого содержания и также принимать решение с учетом обстоятельств дела, а также личности задержанного лица.

¹⁰ <http://kassadrf.ru/>

¹¹ СЗ РФ 2012 г. № 4, С. 4649.

¹² <http://kassadrf.ru/>

¹³ Регламент (Правил процедуры) Европейского Суда по правам человека (вместе с Приложением к Регламенту о проведении судебных действий). Практическими инструкциями принят в Страсбурге 4 ноября 1989 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2016. № 6.

¹⁰ См.: Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М., 2019. С. 356.

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 16 октября 2012 г. по делу «Ниязов (Niyazov) против Российской Федерации» (жалоба № 27843/11) // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к Бюллетеню ЕСПЧ. Специальный выпуск. 2014. № 4.

¹² См.: Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. 2016. № 2: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм». М., 2016. С. 16–29.

В постановлении Седьмого КСОЮ от 7 декабря 2020 г. № 16-5298/2020¹⁷ подчеркивается, что для отмены содержания в спецучреждении необходимо наличие доказательств, во-первых, невозможности выдворения, а во-вторых, принятия исчерпывающих мер по выдворению; ошибочное возвращение судом заявлений об обжаловании содержания в спецучреждении не влечет отмену судебных актов и не лишает заявителя возможности вновь обратиться с соответствующим заявлением (как видится, как раз подобные ошибки могут считаться не требующими отказа от задержания, на что было указано ЕСПЧ в § 174 постановления по делу «Ниязов против России»). В постановлениях того же Седьмого КСОЮ от 20 февраля 2020 г. № 16-1568/2020¹⁸ и от 3 марта 2020 г. № 16-1665/2020¹⁹ выражена позиция, учитывающая приведенную выше практику ЕСПЧ: если рассматривать содержание в спецучреждении в течение длительного срока как самостоятельное наказание (в которое оно со временем фактически и превращается), тогда на него должен распространяться максимальный срок административной изоляции лица от общества в 30 суток (арест по ст. 30.9 КоАП). Таким образом, в пределах Седьмого кассационного округа учитывается позиция ЕСПЧ, сформированная в деле «Аркам Каримов против России» (§ 192 постановления).

В постановлениях Шестого КСОЮ от 18 ноября 2020 г. № 16-7783/2020²⁰ (примечательно, что данный акт принят по протесту заместителя прокурора субъекта Федерации), от 26 февраля 2021 г. № 16-1318/2021²¹ (также по протесту прокурора субъекта Федерации), от 2 марта 2021 г. № 16-1319/2021²² и № 16-1305/2021²³ воспринят следующий подход: если у лица, подлежащего выдворению, нет документов, удостоверяющих личность, и нет государства, готового его принять, такое лицо не следует содержать в спецучреждении; требуются доказательства действий судебного пристава-исполнителя, свиде-

тельствующих о поиске им государства, готового принять выдворяемое лицо. При этом в постановлении Шестого КСОЮ от 11 ноября 2020 г. № 16-7113/2020²⁴ высказана позиция, расходящаяся с практикой Седьмого КСОЮ: пересмотр вопроса о правомерности содержания в спецучреждении должен осуществляться одновременно с рассмотрением вопроса о назначении и исполнении административного наказания (ст. 31.7 КоАП). Следовательно, максимальный срок содержания — 2 года. Лицо, подлежащее выдворению, может обратиться в течение этого срока с заявлением о разрешении вопросов исполнения наказания в порядке статьи 31.8 КоАП.

В постановлении Пятого КСОЮ от 26 августа 2020 г. № 1656/2020²⁵ также обращено внимание на то, что требуются доказательства фактической невозможности выдворения; лица без гражданства являются такими же субъектами ответственности, как и иностранные граждане; срок содержания в спецучреждении — до двух лет в рамках срока исполнения административного наказания (ст. 31.9 КоАП).

В постановлении Третьего КСОЮ от 15 января 2021 г. № 16-114/2021²⁶ установлено, что основания для содержания в спецучреждении сохраняются, если имеются документы, подтверждающие попытки исполнения судебного решения органами исполнения наказаний (в частности, получено свидетельство на возвращение на родину, предполагающее замену загранпаспорта на срок до 15 суток); должно учитываться длительное нахождение лица на территории Российской Федерации без документов.

Второй КСОЮ в постановлении от 15 февраля 2021 г. № 16-1046/2021²⁷ заключил, что при одновременном отсутствии доказательств прекращения исполнительного производства по выдворению лица без гражданства и доказательств невозможности исполнения соответствующего судебного решения содержание в спецучреждении является законным в течение двух лет (ст. 31.7, 31.9 КоАП) (следует отметить, что на момент принятия данного решения лицо

¹⁷ <https://7kas.sudrf.ru/>

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ <https://6kas.sudrf.ru/>

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ <https://5kas.sudrf.ru/>

²⁶ <https://3kas.sudrf.ru/>

²⁷ <https://2kas.sudrf.ru/>

изоляция лица
лицо без гражданства
наличие доказательств

содержалось в соответствующем учреждении уже более полутора лет). В постановлениях от 17 июня 2020 г. № 88а-9544/2020²⁸ и от 21 октября 2020 г. № 88а-20988/2020²⁹ Второй КСОЮ отметил, что для принятия решения об освобождении из спецучреждения имеет значение личность привлекаемого к ответственности лица (в частности, наличие судимости); факт направления запросов в государства предполагаемого выдворения в рамках исполнения судебного постановления является достаточным и эффективным основанием для признания правомерности содержания в спецучреждении. При этом в постановлениях от 30 июня 2020 г. № 16-358/2020³⁰ и от 18 августа 2020 г. № 16-3569/2020³¹ Второй КСОЮ констатирует недостаточность однократного направления запроса приставами и получения отрицательного ответа о возможности въезда: требуются иные действия для продления содержания лица в спецучреждении.

Практика судов кассационных округов показывает, что ограничительные меры, введенные с целью воспрепятствовать распространению коронавирусной инфекции COVID-19, требуют освободить лицо из спецучреждения (см., например, постановление Четвертого КСОЮ от 24 августа 2020 г. № 16-3020/2020³²). При этом Первым КСОЮ отмечается, что в случае представления суду доказательств возможности последующего снятия ограничений на выдворение продление срока пребывания в спецучреждении закономерно (постановление от 19 февраля 2021 г. № 88а-4697/2021³³).

Таким образом, приведенная практика КСОЮ демонстрирует, что решение вопроса о допустимости продления сроков содержания в спецучреждении лиц, ожидающих административного выдворения, тесно связано с личностью задержанного лица, а также с действиями уполномоченных органов, отвечающих за исполнение судебных решений. В отсутствие законодательно установленной

альтернативы выдворению, которая бы обеспечила соблюдение частных и публичных интересов, суды вынуждены считать допустимым продление содержания в течение двух лет. В этих условиях следует положительно оценивать высказанные Минюстом России в проекте нового КоАП³⁴ предложения о замене наказания в виде выдворения, в случае исчерпания всех мер по его исполнению, на штраф в размере до 50 тыс. руб. или обязательные работы на срок до 60 суток. Назначение альтернативного наказания обеспечит соблюдение приведенных выше требований КС и ЕСПЧ к содержанию лица под стражей и в то же время позволит избежать безнаказанности, поощряющей неправомерное поведение (любопытно заметить, что в одном из рассмотренных кассационными судами дел выдворяемое лицо сумело уже в аэропорту выхватить у инспектора документы и уничтожить их, что привело к его возвращению в спецучреждение). Важно также сказать, что с учетом практики ЕСПЧ (дело «Аркам Каримов против России» и др.) проект КоАП содержит запрет на выдворение, если оно нарушает интересы детей, подлежащее выдворению лицо является беженцем или имеет временное убежище на российской территории, либо прибыло в экстренном массовом порядке, а также если лицо признано соотечественником (ч. 2 ст. 3.27).

Вместе с тем предложенные изменения в КоАП не освобождают суды от необходимости изучать все обстоятельства конкретного дела. Даже в случае принятия нового Кодекса в проектируемом виде судам по-прежнему предстоит разрешать вопрос об основаниях назначения альтернативного наказания и устанавливать обязательный юридический факт: исчерпание всех мер исполнения судебного решения о выдворении. Предусмотреть закрытый перечень таких мер в законе, очевидно, невозможно, в связи с чем задачу по их поиску и систематизации предстоит и дальше решать судебным и административным органам. □

²⁸ <https://2kas.sudrf.ru/>

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² <https://4kas.sudrf.ru/>

³³ <https://1kas.sudrf.ru/>

³⁴ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в Государственную Думу) // <https://regulation.gov.ru/>

Актуальные вопросы исполнительного производства: опыт зарубежных государств

Андрей Александрович Соловьёв

Арбитражный суд Московской области, заместитель председателя, доктор юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), профессор
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию зарубежного опыта организации исполнительного производства. На примере трех западноевропейских государств (Германии, Бельгии и Швейцарии) автор анализирует особенности правового регулирования исполнительного производства, виды исполнительных документов, основы правового статуса органов принудительного исполнения, а также меры, применяемые в рамках исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, зарубежный опыт, Германия, Бельгия, Швейцария, правовое регулирование, исполнительные документы, органы принудительного исполнения, меры, применяемые в рамках исполнительного производства

Current issues of enforcement proceedings: foreign experience

Andrey Aleksandrovich Soloviyev, Commercial Court of the Moscow Region, Deputy President, Doctor of Laws, Associate Professor, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA), Professor, Moscow State Pedagogical University, Professor, Moscow, Russia

Annotation. The article studies enforcement proceedings in foreign States. Taking three West-European States as an example (Germany, Belgium and Switzerland) the author analyzes the particularities of the legal regulations of the enforcement proceedings, different types of enforcement documents, basic legal status of the enforcement bodies, and measures applied in enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, foreign experience, Germany, Belgium Switzerland, legal regulation, enforcement documents, enforcement bodies, measures applied in enforcement proceedings

Исполнительное производство как завершающий этап процесса правосудия, а равно иной, внесудебной правоприменительной деятельности играет ключевую роль в любом развитом государстве.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П пришел к обоснованному выводу о том, что по смыслу части 1 ст. 1, статьи 2, части 2 ст. 15, части 2 ст. 17, статьи 18, части 1 ст. 45, части 1 и 2 ст. 46, статей 52, 53, 55 и 118 Конституции Российской Федерации¹ гарантированная каждому и являющаяся обязанностью государства защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе судебная защита, право на которую относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, не может быть признана действенной, если вынесенный в целях восстановления нарушенных прав судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется². Исходя из этого, как указал Конституционный Суд в другом постановлении, «окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и

присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию... безусловно, подлежит исполнению»³.

С учетом важности исследуемой тематики значительный интерес, по нашему мнению, представляет релевантное правовое регулирование, используемое в зарубежных правовых порядках. В настоящей статье мы рассмотрим опыт трех западно-европейских государств: Федеративной Республики Германия, Королевства Бельгии, Швейцарской Конфедерации. При этом остановимся на следующих основных позициях:

- правовое регулирование;
- исполнительные документы;
- органы принудительного исполнения;
- меры, применяемые в рамках исполнительного производства.

При подготовке статьи был использован материал аналитической справки, подготовленной Департаментом по европейским делам Сената (Верхней палаты Парламента) Французской Республики⁴.

Федеративная Республика Германия

Вопросы принудительного исполнения в Германии в основном регулируются книгой 8 Гражданского процессуального уложения (Гражданского процессуального кодекса)⁵. Исполнительными документами признаются:

- судебное решение, вступившее в законную силу;
- судебное решение, предварительно объявленное подлежащим исполнению;
- акт, вынесенный по результатам внесудебного урегулирования спора;
- официальное требование об исполнении обязательства, подлежащее исполнению, постановление о наложении ареста на имущество и постановление о применении обеспечительных мер;

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского областного суда» // Российская газета. 18 декабря 2013 г.

⁴ Les procédures civiles d'exécution // https://www.senat.fr/le/c55/le55_mono.html#toc34

⁵ Zivilprozessordnung // <https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/>

¹ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 27 июля 2015 г.

– решение арбитража (третейского суда), объявленное подлежащим исполнению судом;

– нотариально удостоверенный акт, которым должник принял на себя обязательство подчиняться немедленному принудительному исполнению (за некоторыми исключениями, например в части аренды жилых помещений).

Чтобы правоустанавливающий документ мог быть признан подлежащим исполнению, к нему, как правило, должны прилагаться доказательства, подтверждающие возможность его принудительного исполнения, положение о принудительном исполнении. Такое свидетельство предоставляется судом по запросу.

Если правоустанавливающий документ является нотариально удостоверенным актом, составленным нотариусом, то последний может обеспечить его выдачу. Официальное требование об исполнении обязательства, подлежащее исполнению, постановление о наложении ареста на имущество и постановление о применении обеспечительных мер не требуют наличия исполнительской надписи.

В соответствии со статьей 709 Гражданского процессуального уложения любое судебное решение может быть предварительно объявлено подлежащим исполнению путем установления обеспечения со стороны кредитора по обязательству (взыскателя). Размер обеспечения определяется судом. Тем не менее Уложение закрепляет, что установление обеспечения не является необходимым, (1) когда взыскатель не в состоянии его предоставить, и (2) в случаях, предусмотренных статьей 708 Уложения, которая включает довольно большой список решений, подлежащих немедленному исполнению без установления обеспечения. В частности, в ней перечислены решения, вынесенные на основании признания иска или отказа от него; заочные решения, касающиеся споров между собственниками и арендаторами; решения о выплате алиментов или о выплате пособия при несчастном случае; решения, вынесенные в производствах на основании письменных документов, по вексельным или чековым делам.

Кроме того, статья 712 Уложения дает возможность должнику отсрочить исполнение посредством предоставления встречного обеспечения. Такая отсрочка

возможна, когда исполнение может нанести непоправимый ущерб должнику.

Теперь рассмотрим особенности процедуры принудительного исполнения, применяемой в Германии.

Для начала остановимся на органах принудительного исполнения. Если должник не выполняет свои обязанности, то кредитор должен в зависимости от вида своего требования обратиться к судебному исполнителю или в компетентный суд (суд по делам принудительного исполнения или в суд, вынесший решение по делу). Судебный исполнитель отвечает за исполнение решений по денежным обязательствам, связанным с движимым имуществом, и по обязательствам, заключающимся в передаче движимого или недвижимого имущества. Он действует под контролем суда по делам принудительного исполнения. Его действия могут быть обжалованы в судебном порядке. Суд по делам принудительного исполнения наделен компетенцией по исполнению денежных обязательств, связанных с долговыми требованиями и прочими имущественными правами, а также с недвижимостью. В суде этой компетенцией наделен судебный делопроизводитель – специализированное должностное лицо, исполняющее промежуточные функции между обязанностями секретаря и полномочиями судьи. Он действует под контролем судьи. Суд, рассматривавший дело, действует как орган принудительного исполнения в отношении исполнения обязательств по совершению или несовершению определенных действий. Если принудительное исполнение подпадает под компетенцию суда, то он принимает необходимые решения. Их доведение до сведения и конкретная реализация относятся к компетенции судебного пристава-исполнителя.

Перейдем к мерам, применяемым в рамках исполнительного производства.

Исполнение денежных обязательств, связанных с движимым имуществом, долговыми требованиями или прочими имущественными правами, осуществляется путем наложения ареста на имущество и последующей реализации арестованного имущества или долговых требований.

Многочисленные положения Гражданского процессуального уложения призваны сделать этот метод принудительного исполнения максимально эффективным.

защита прав человека

исполнительные документы

принудительное исполнение

Должник обязан под присягой сделать заявление, раскрыв свои активы, на которые может быть обращено взыскание. Обращение взыскания на вещь, которая не подлежит взысканию (личные вещи, мебель, предметы, необходимые для ведения профессиональной деятельности, и т.д.), допускается, если кредитор предоставляет должнику до изъятия этой вещи иной заменяющий ее предмет, который соответствует подпадающему под охрану назначению, или денежную сумму, необходимую для приобретения такой вещи. Если кредитор не может своевременно предоставить такой предмет либо это для него неприемлемо, то обращение взыскания допускается при условии, что должнику из выручки от реализации вещи будет передана денежная сумма, необходимая для приобретения замены (обращение взыскания в случае замены вещи). Целью соответствующего правового регулирования является обеспечение баланса интересов должника и кредитора.

При условии, что наложение ареста не касается наличных денег, драгоценностей или ценных бумаг, арестованное имущество остается в руках должника, но все эти активы обозначаются специальным отличительным знаком (зачастую они опечатываются, а взлом такой печати является уголовным преступлением).

Исполнение денежных обязательств, связанных с объектами недвижимости, может быть достигнуто тремя способами:

- наложение ареста с последующей принудительной продажей с торгов;
- судебная ипотека, дающая кредитору дополнительное обеспечение;
- принудительное управление, которое позволяет избежать продажи объекта недвижимости, поскольку суд по исполнительным делам назначает арбитражного управляющего, который управляет объектом недвижимости и получает доход от имени кредитора.

Исполнение обязательств по передаче имущества производится по-разному в зависимости от того, касается ли это движимого или недвижимого имущества. В первом случае судебный исполнитель вступает во владение соответствующим имуществом и передает его кредитору. Во втором случае (как правило, освобождение объекта недвижимости в конце срока аренды) судебный исполнитель должен попытаться выселить должника, чтобы

обеспечить кредитору возможность восстановления права пользования своим имуществом или чтобы передать имущество кредитору.

Исполнение обязательств по совершению определенных действий зависит от того, может ли рассматриваемое действие быть совершено третьим лицом. Если да, кредитор может быть уполномочен судом на то, чтобы действие было совершено третьим лицом за счет должника. Если нет, суд должен в случае необходимости прибегнуть к мерам принудительного исполнения в отношении неисправного должника. В связи с этим суд устанавливает штраф, взимаемый с должника государством. Суд также вправе вынести постановление об аресте должника, при этом срок ареста не может превышать двух лет.

Исполнение обязательства о совершении определенных действий производится аналогично обязательству по совершению определенных действий, которое не может быть исполнено третьим лицом. Суд может наложить штраф на должника, нарушившего свое обязательство, а затем, в случае его неуплаты, произвести арест должника.

Королевство Бельгия

Раздел III части пятой Судебного кодекса Бельгии⁶ посвящен принудительному исполнению, а глава XXIII части четвертой – астренту.

Выделяются два основных вида исполнительных документов: судебного и внесудебного происхождения.

К документам судебного происхождения относятся вступившие в силу судебные постановления (т.е. когда в их отношении больше не может быть подан протест или апелляция), если только судья не принимает решение об их немедленном (предварительном) исполнении, которое, однако, может быть поставлено под условие выполнения установленных судом гарантий.

Независимо от любого предварительного исполнения кредитор может потребовать от судьи наложить арест на имущество должника в порядке обеспечения иска. В соответствии с положениями статьи 1414 Судебного кодекса любое судебное решение, даже не подлежащее испол-

⁶ Code Judiciaire // <http://www.droitbelge.be/codes.asp#jud>

нению, несмотря на поданные возражения или апелляцию, заменяет собой разрешение на проведение процедуры наложения ареста на имущество должника в порядке обеспечения иска в отношении вынесенных судебных актов, если только не было принято иное решение.

Акты, вынесенные арбитражами и третейскими судами, относятся к исполнительным документам при условии, что они снабжены исполнительной надписью, сделанной председателем компетентного суда.

К исполнительным документам внесудебного происхождения относятся, например, нотариальные акты.

В целом для того, чтобы судебное решение или иной акт являлись исполнительными документами, необходимо предъявить удостоверенную копию или протокол, содержащий исполнительную надпись, установленную королем.

Говоря об органах принудительного исполнения, отметим, что согласно статье 1395 Судебного кодекса все ходатайства, касающиеся наложения ареста на имущество ответчика в порядке обеспечения иска и мер исполнительного производства, передаются на рассмотрение судье по вопросам наложения арестов. Такие судьи назначаются в необходимом количестве из числа судей суда первой инстанции, занимающих должность не менее трех лет. Судьи по вопросам наложения арестов назначаются сроком на три года, а затем их полномочия могут быть продлены на пятилетний срок. Они могут рассматривать и иные дела, относящиеся к компетенции суда, в котором эти судьи состоят.

К компетенции судьи по вопросам наложения арестов относятся все вопросы, связанные с исполнением судебных актов. Они также контролируют соблюдение закона со стороны судебных приставов.

Применительно к мерам, применяемым в рамках исполнительного производства, необходимо сказать, что исполнение денежных обязательств осуществляется либо посредством обращения взыскания на имущество в порядке исполнения судебного решения в отношении движимого или недвижимого имущества и затем продажи с торгов, либо посредством наложения ареста в целях принудительного исполнения на денежные суммы и активы, которые могут поступить должнику от третьих лиц.

Также определены виды имущества, на которое не может быть обращено взыскание (например, необходимое для профессиональной деятельности должника).

Кроме того, реализован институт астрента (постоянно возрастающих пеней), выплачиваемого взыскателю в случае неисполнения решения суда.

Швейцарская Конфедерация

Раздел десятый Федерального закона от 4 декабря 1947 г. «О федеральном гражданском процессе» (с изменениями и дополнениями)⁷ посвящен исполнению судебных решений. В нем делается отсылка к Федеральному закону от 11 апреля 1899 г. «О взыскании долгов и банкротстве» (с изменениями и дополнениями)⁸ в рамках исполнения денежных обязательств.

Перечислим основные виды исполнительных документов.

Статья 74 Федерального закона «О федеральном гражданском процессе» устанавливает, что судебное решение подлежит немедленному исполнению. Соответственно, оно само по себе признается исполнительным документом. Кроме того, к судебным решениям приравниваются:

- соглашения или признания, сделанные в суде;
- решения административных органов Конфедерации, предписывающие выплату денежной суммы или установление обеспечений;
- в пределах территории кантонов – решения кантональных административных властей, касающиеся обязательств публичного права (налоги, сборы, пошлины и т.д.), в той мере, в какой национальное законодательство предусматривает такое приравнивание прав.

Исполнительными документами являются также нотариально удостоверенные акты и отдельные документы, составленные в простой письменной форме. В соответствии со статьей 82 Федерального закона «О взыскании долгов и банкротстве» кредитор, чей иск основан на признании долга, установленного нотариально удостоверенным актом или документом, составленным в простой письменной форме,

⁷ Loi fédérale de procédure civile fédérale du 4 décembre 1947 (Etat le 1er mai 2013) // https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1948/485_473_421/fr

⁸ Loi fédérale sur la poursuite pour dettes et la faillite du 11 avril 1899 (Etat le 20 octobre 2020) // https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/11/529_488_529/fr

наложение ареста
исполнительные документы
обращение взыскания

может потребовать предварительного освобождения имущества от ареста.

Рассматривая органы принудительного исполнения, необходимо отметить, что исполнение денежных обязательств относится к компетенции специализированных государственных органов — управлений по исполнению долговых обязательств и по вопросам банкротства, которые подведомственны кантональным министерствам, ответственным за обеспечение отправления правосудия. В каждом кантоне имеется одно или несколько таких управлений, которые действуют под надзором компетентного судьи. Исполнение судебных решений, не связанных с денежными обязательствами, относится к компетенции Федерального совета (Правительства) Швейцарии, которое принимает необходимые меры напрямую или через кантональные органы, но всегда по запросу кредитора. При необходимости к совершению исполнительских действий привлекается полиция.

Касаемо мер, применяемых в рамках исполнительного производства, отметим, что денежные обязательства исполняются либо путем наложения ареста с последующей реализацией арестованного имущества и долговых требований, либо путем процедуры банкротства.

Для удовлетворения своего требования кредитор инициирует так называемую процедуру судебного преследования за долги, которая начинается с официального направления уведомления на оплату долга. Продолжается же она в форме наложения ареста или проведения процедуры банкротства.

Процедура наложения ареста касается в первую очередь движимого имущества, долговых требований и доходов при условии, что они не являются объектами, на которые не может быть обращено взыскание. Так, запрещается накладывать арест на имущество, в обязательном порядке необходимое для должника и его семьи. Если же кредитор требует инициирования процедуры банкротства, то все активы, на которые может быть обращено взыскание, образуют конкурсную массу и распределяются на выплаты кредиторам.

Законодательством также определен ряд положений, которые гарантируют эффективность этих двух мер принудительного исполнения:

— кредитор вправе запросить инвентаризацию активов должника;

— если процедура наложения ареста не относится к наличным деньгам, драгоценностям или ценным бумагам, арестованные активы, как правило, остаются в руках должника или третьего лица — держателя, но при условии, что по требованию кредитора арестованное имущество может быть передано на хранение третьему лицу.

В соответствии со статьей 76 Федерального закона «О федеральном гражданском процессе» судебные решения, обязывающие лицо к совершению определенных действий, автоматически включают в себя уведомление о том, что в случае несоблюдения в установленный срок обязательства по их совершению сторона, принявшая на себя обязательство, несет ответственность, предусмотренную статьей 292 Уголовного кодекса Швейцарии⁹ в виде штрафа. В этом случае уголовное преследование осуществляется по заявлению кредитора.

Судебное решение, предписывающее лицу воздерживаться от каких-либо действий, влечет за собой одинаковые наказания за каждый факт его нарушения.

Вместо продолжения принудительного исполнения соответствующего решения или после неудачной попытки его исполнения (неисполнения) кредитор вправе требовать возмещения убытков.

Кроме того, в соответствии со статьей 77 Федерального закона «О федеральном гражданском процессе» орган принудительного исполнения может изъять при содействии полиции предмет, подлежащий возврату, а также поручить третьему лицу совершить действия, не требующие личного вмешательства кредитора, и при необходимости устранить при содействии полиции ситуацию, противоречащую запрету на совершение действия, и потребовать привлечения полиции, чтобы заставить должника принудительно исполнить действие.

В заключение отметим, что, ни в коей мере не призывая к копированию каких-либо зарубежных подходов, мы тем не менее полагаем, что рассмотренные нами вопросы исполнительного производства представляют значительный исследовательский интерес.

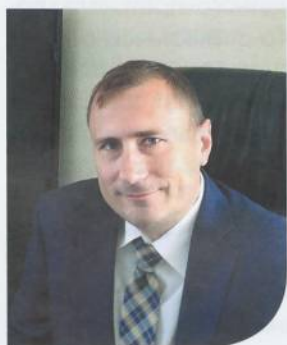
⁹ Swiss Criminal Code // https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/en

О необходимости упрощения оформления письменного протокола судебного заседания по гражданским делам

Дмитрий Георгиевич Лях

Крымский районный суд Краснодарского края,
судья
г. Крымск, Россия

Владислав Анатольевич Кияшко

Крымский районный суд Краснодарского края,
и.о. председателя,
кандидат юридических наук
г. Крымск, Россия

Аннотация. В данной статье обсуждается идея оптимизации работы судов путем упрощения оформления письменного протокола судебного заседания по гражданским делам.

Ключевые слова: протокол судебного заседания, аудиозапись, устные выступления, юридически значимые обстоятельства

On the necessity to simplify the procedure of drawing written records of court hearings in civil cases

Dmitriy Georgiyevich Lyakh, Krymskiy District Court of the Krasnodar Region, Judge, Krymsk, Russia

Vladislav Anatoliyevich Kiyashko, Krymskiy District Court of the Krasnodar Region, Acting President, Candidate of Laws, Krymsk, Russia

Annotation. The article discusses the idea of improving the efficiency of the courts' work by the way of the simplification of drawing written records of court hearings in civil cases.

Keywords: records of court hearings, audio recording, oral submissions, legally significant circumstances

Подводя итоги работы судов общей юрисдикции за 2019 год, Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев отметил, что в этом периоде ими было рассмотрено 19,6 млн дел – на 13% больше по сравнению с 2018 годом¹. Постоянно растущая нагрузка на судей обуславливает необходимость в оптимизации их работы. В частности, с этой целью еще в 2016 году была введена процедура упрощенного (письменного) судопроизводства², позволившая среди прочего не вести протокол судебного заседания по этой категории дел. В настоящее время предлагается расширить количество случаев, подпадающих под данную процедуру.

Поддерживая данные тенденции, отметим, что, на наш взгляд, потенциал оптимизации заложен в существующей процедуре общего искового производства, в рамках которой также представляется возможным упростить оформление письменного протокола судебного заседания. Такое решение не затронет принципы судопроизводства и права участников процесса, но в то же время значительно облегчит работу суда.

Так, в соответствии с частью 2 ст. 229 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – ГПК РФ) протокол судебного заседания, составляемый в письменной форме, должен отражать все существенные сведения о разбирательстве дела, в том числе в нем должны быть закреплены заявления, ходатайства и объяснения лиц, участвующих в деле, их представителей; содержание судебных прений. Исходя из части 1 ст. 230 ГПК РФ для обеспечения полноты протокола суд может использовать стенографирование и иные технические средства. При этом лица, участвующие в деле, вправе подать замечания на протокол судебного заседания с указанием на допущенные неточности и (или) неполноту (ст. 231 ГПК РФ). Согласно

пункту 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»⁴, поскольку протокол судебного заседания является одним из основных процессуальных документов, он должен быть изложен полно, четко с точки зрения его прочтения, в той последовательности, в которой проводится судебное разбирательство.

29 июля 2018 г. был принят Федеральный закон № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵, установивший необходимость наряду с составлением письменного протокола судебного заседания вести также аудиопроотоколирование. В силу части 1 ст. 230 ГПК РФ аудиопроотоколирование является обязательным и ведется непрерывно в ходе судебного процесса.

Системное толкование процитированных выше норм показывает, что протокол судебного заседания в письменной форме и аудиопрокол должны быть идентичны друг другу (тем более что в отношении письменного протокола допускается лишь его стилистическое редактирование для удобства прочтения).

В связи с этим возникает вопрос: для чего дублировать аудиозапись судебного заседания подробным протоколом в письменной форме?

Понятно, что протокол в письменной форме значительно упрощает работу апелляционных и кассационных инстанций: прослушивание аудиозаписи хода судебного заседания в условиях нагрузки этих судов не всегда представляется возможным, в то время как наличие письменного документа позволяет им оценить соблюдение нижестоящим судом (судами) норм процессуального права и правильное установление фактических обстоятельств по делу, подлежащих применению норм материального права. Однако полагаем, что данное обстоятельство не препятствует упрощению судопроизводства путем модификации требований к оформлению протокола судебного заседания по следующим причинам.

¹ См.: Верховный суд подвел итоги работы судов за 2019 год // Право.ру. 11 февраля 2020 г. // <https://pravo.ru/story/218428/>

² Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 4 марта 2016 г.

³ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Российская газета. 2 июля 2008 г.

⁵ Российская газета. 1 августа 2018 г.

Исходя из пункта 6 ч. 4 ст. 330, пункта 6 ч. 4 ст. 379⁷ ГПК РФ безусловным основанием для отмены судебного акта является отсутствие в деле протокола судебного заседания в письменной форме в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания. Таким образом, исходя из буквального толкования пункта 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, можно заключить, что при отсутствии протокола судебного заседания в письменной форме апелляционная (кассационная) инстанция все же может сохранить судебный акт в силе, если в деле есть аудиопротокол и нет других причин для отмены судебного акта. Иначе говоря, протокол судебного заседания в письменной форме, а тем более полный аналог аудиозаписи, не так уж и нужен, если в деле имеется аудиозапись судебного заседания.

Как известно, при подготовке дела к судебному заседанию в соответствии со статьями 148, 150 ГПК РФ судья в целях уточнения фактических обстоятельств по делу, установления правоотношений сторон, примирения сторон вправе проводить беседу с участниками процесса, протоколирование и аудиопрототолирование которой исходя из статей 150, 228 ГПК РФ не осуществляется. В то же время судья вправе назначить предварительное судебное заседание для закрепления протоколом судебного заседания распорядительных действий и решений вопросов разного рода (ч. 7 ст. 152, ст. 228 ГПК РФ), таких как привлечение к участию в деле иных лиц, назначение судебных экспертиз, направление судебных поручений, и других вопросов, требующих документального закрепления. В целом это означает, что действующее гражданско-процессуальное законодательство позволяет не протоколировать «судоговорение» на данной стадии судебного рассмотрения.

Следует заметить, что в последние годы уровень правовой грамотности участников процесса значительно вырос, в связи с чем в современном судопроизводстве их правовые позиции закрепляются письменно: позиция истца всегда отражена в его исковом заявлении, а также нередко в письменных уточнениях иска; позиция ответчика, который является в суд или, не являясь, занимает активную позицию по делу, — в различных письменных ходатайствах, возражениях,

отзывах, объяснениях и т.д. В связи с этим представляется, что при наличии аудиопрототола содержание протокола судебного заседания в письменной форме возможно свести к констатации фактов «поддержал-возражал» без приведения подробных и развернутых объяснений лиц, участвующих в деле. Это позволит существенно упростить работу суда в общей процедуре искового судопроизводства.

Исходя из статьи 229 ГПК РФ, в протоколе судебного заседания в обязательном порядке отражается ход обсуждения различных ходатайств, подробные прения сторон с их репликами. Между тем участники процесса, которых с учетом представителей бывает намного больше двух, могут вступать в длительную устную полемику, озвучивать красноречивые, но пространные рассуждения. Другими словами, стороны, пользуясь предусмотренным статьей 12 ГПК РФ принципом состязательности, стараются переговорить друг друга перед судьей и потому говорят много — в надежде, что длинная речь будет звучать убедительней.

Однако письменное оформление такого «судоговорения» требует значительных временных затрат. В частности, наш опыт практической деятельности показывает, что оформление протокола для судебного заседания полуторачасовой продолжительности занимает не менее 5–6 часов работы секретаря судебного заседания, а также существенную часть рабочего времени судьи, проверяющего итоговый объемный документ. При этом, поскольку длительные выступления, как правило, содержат не четкое изложение фактических обстоятельств дела, которые по какой-то причине оказались незадокументированными в письменной форме, а лишь мнения и личные эмоциональные оценки говорящих с целью получить поддержку судьи и в итоге желаемое решение, объемное протоколирование зачастую оказывается юридически незначимым для дела.

Как нам представляется, серьезная нагрузка на судей и секретарей судебного заседания в определенной степени обусловлена обязанностью суда подробно документировать в письменном протоколе судебного заседания весь ход процесса, а не только юридически значимые обстоятельства.

письменная форма
системное толкование
значимые обстоятельства

По нашему мнению, принцип состязательности сторон, установленный статьей 12 ГПК РФ, может быть реализован и без обязательного отражения устных выступлений в письменном протоколе судебного заседания. Поэтому юридически незначимые устные заявления сторон можно изложить в нем тезисно, а именно ограничиться закреплением сути позиции, выраженной в прениях (поддержал по указанным в исковом заявлении или в письменных возражениях основаниям свою высказанную ранее позицию либо что-то уточнил), а также информации о том, какое ходатайство заявлялось, какие возражения по его удовлетворению поступили (не поступили), что определил суд по заявленному ходатайству.

Что касается показаний свидетелей, экспертов, то, на наш взгляд, в письменном протоколе судебного заседания также достаточно привести их суть, имеющую непосредственное отношение к спору, не включая в протокол, например, заданные вопросы, на что при оформлении протокола затрачивается значительное время. Такой подход представляется обоснованным исходя из части 1 ст. 71 ГПК РФ.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что все сведения, имеющие согласно части 1 ст. 71 ГПК РФ существенное значение для разрешения дела и изложенные в устной форме (уточнение правовой позиции, заявление о пропуске срока исковой давности и т.д.), а равно тезисы и заявления, на письменном закреплении которых в соответствии с частью 2 ст. 230 ГПК РФ настаивает сам участник процесса, должны в обязательном порядке находить отражение в письменном протоколе судебного заседания. Кроме того, с целью защиты интересов сторон вместо обязательного протоколирования излишнего устного «судоговорения» можно установить требование об обязательном письменном оформлении правовых позиций участников судебного разбирательства.

Таким образом, высказанные нами предложения не затрагивают прав участников процесса, поскольку возможное упрощение касается тех сведений, которые в понимании части 1 ст. 71 ГПК РФ не являются юридически значимыми. В случае несогласия с действиями суда участники судебного процесса вправе в соответствии со статьей 231 ГПК РФ написать замечания на протокол судебного

заседания, а также в соответствии с частью 3 ст. 331 ГПК РФ включить свои замечания по поводу рассмотрения ходатайств в тексты апелляционных жалоб, сопровождая их стенограммой значимого, по их мнению, фрагмента аудиозаписи судебного заседания (со ссылкой на нужные минуты и секунды аудиофайла), для оценки вышестоящим судом действий нижестоящего суда. Соответственно, и действия нижестоящего суда могут быть оценены путем прослушивания интересующего момента аудиозаписи.

Если мы сравним протокол судебного заседания, например, с протоколом общего собрания какого-либо коллективного органа, то сможем увидеть, что последний, как правило, не содержит подробностей устного обсуждения, а сводится к тезисам докладчика, содокладчиков и сути принятого решения (решений). Аналогично, посредством констатации факта тех или иных выступлений, оформляются протоколы заседаний правительственных комиссий⁶ и Государственной Думы⁷, хотя данные документы имеют для общественной жизни страны не меньшее значение, чем судебные акты.

Нужно отметить, что некоторые работники судебной системы фактически уже сейчас в некоторой степени реализуют высказанные нами идеи, что с точки зрения буквального толкования положений статьи 229 ГПК РФ является неправильным, а с точки зрения целей снижения нагрузки на судей и обеспечения доступа к правосудию – на наш взгляд, разумным.

Реализация указанных в настоящей статье предложений позволит освободить суды от ненужной работы, значительно упростит рассмотрение дел по общим правилам искового производства, создаст условия для полноценного соблюдения установленного частью 3 ст. 230 ГПК РФ трехдневного процессуального срока изготовления протокола судебного заседания, т.е. будет только способствовать интересам правосудия. □

⁶ См., например: Протокол заседания Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности от 2 июня 2020 г. № 2 // <http://mchs.gov.ru/dokumenty/4713>

⁷ См., например: Протокол заседания Государственной Думы от 10 февраля 2021 г. № 400 // <http://sozd.duma.gov.ru>

О некоторых вопросах прав иностранных лиц на объекты недвижимости в приграничных территориях

Аркадий Игоревич Лещенко

Геленджикский городской суд Краснодарского края,
председатель
г. Геленджик, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового режима земельных участков в приграничных территориях Российской Федерации, а также коллизия между принципом единства судьбы участка и расположенного на нем объекта недвижимости и запретом на владение таким участком иностранными лицами.

Ключевые слова: приграничная территория, земельный участок, иностранное лицо

On certain issues related to the rights of foreign nationals to real estate in border areas

Arkadiy Igorevich Leshchenko, Gelendzhik Town Court of the Krasnodar Region, President, Gelendzhik, Russia

Annotation. The article studies the particularities of the legal regime of land plots in border areas of the Russian Federation, as well as the collision between the principle of the unity of the land plot and of the real estate situated on it and the prohibition for foreign nationals to possess such land plots.

Keywords: border area, land plot, foreign national

Проблемы правового регулирования земельных отношений в силу особой важности объекта последних длительное время приводили к дискуссиям, сопровождавшим в том числе разработку и принятие Земельного кодекса Российской Федерации¹ (далее – ЗК РФ). Одной из таких болевых точек оказался вопрос о возможности передачи земли иностранным лицам. Особую актуальность он приобрел в свете того, что такие лица, прежде всего из числа семей, оказавшихся по разные стороны границы после распада СССР, регулярно становятся – обычно в результате универсального правопреемства – собственниками объектов недвижимости на территории России.

Не имея возможности в силу ограниченного объема статьи привести здесь подробный разбор законодательства советского и более ранних периодов, отметим, что основополагающие нормы, регулирующие существующий правовой режим принадлежности земельных участков иностранным лицам, содержатся в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция).

В частности, статья 63 Конституции устанавливает в качестве общего принципа отечественного законодательства национальный режим для иностранных лиц, указывая, что они пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Однако такие случаи, по смыслу части 3 ст. 62 Конституции во взаимосвязи с частью 2 ее ст. 17 и другими положениями главы 2, касаются лишь тех прав и обязанностей, которые возникают и осуществляются ввиду особой связи между Российской Федерацией и ее гражданами². Статья 36 Основного закона определяет, что условия и порядок пользования землей регулируются федеральным законом.

Положения части 2 ст. 9 и статьи 36 Конституции в пункте 2 ст. 5 ЗК РФ закреплено право иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц приобретать в собственность земельные участки на территории Российской Федерации.

Вместе с тем федеральным законодателем установлено и ограничение данного права, а именно: согласно пункту 3 ст. 15 ЗК РФ перечисленные субъекты не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом Российской Федерации. Отметим также, что ограничения относительно принадлежности иностранным лицам земельных участков установлены не только в кодифицированном акте, но и в соответствии с Федеральными законами от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»³, от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

Указом Президента Российской Федерации от 9 января 2011 г. № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками»⁵ в соответствующий перечень включены муниципальные образования пятидесяти субъектов Российской Федерации. Здесь представляется важным отметить, что подобные ограничения владения иностранными лицами землей характерны для правового регулирования многих государств. Например, Италия, Польша, ряд штатов США, Сальвадор «предоставляют иностранцам конкретной страны права на землю при условии, что эта страна взамен предоставляет равные права на землю их гражданам. Япония, Бразилия, Чехия разрешают приобретать землю только

¹ Российская газета. 30 октября 2001 г.

² См.: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. № 6-П // Вестник КС РФ. 1998. № 3, от 17 февраля 2016 г. № 5-П // Вестник КС РФ. 2016. № 3; Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1244-О-О // Вестник КС РФ. 2011. № 2, от 4 июня 2013 г. № 902-О и от 5 марта 2014 г. № 629-О // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

³ Российская газета. 27 июля 2002 г.

⁴ Российская газета. 14 ноября 2007 г. Подробнее об этом см.: Толоченко Д.А. Земельный участок как объект недвижимого имущества в России и за рубежом // Нотариус. 2019. № 2 (здесь и далее научные публикации, за исключением монографии П.П. Серкова, цит. по СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Российская газета. 11 января 2011 г.

тем иностранцам, которые проживают в их стране постоянно (не менее 183 дней в году)... в Мексике иностранцам не разрешено приобретать землю в 100-километровой приграничной зоне и 50-километровой прибрежной зоне (около 43% территории страны). Гватемала установила запрет в пределах 3 км от океана, 200 м от озер, 100 м от рек, 50 м от прудов. Аналогичные зоны есть в Перу, Хорватии, Испании, Италии, Финляндии, Боливии, Гондурасе, а в Греции они занимают 51% территории»⁶.

В силу нормы пункта 1 ст. 238 Гражданского кодекса Российской Федерации⁷ (далее — ГК РФ) (с учетом п. 3 ст. 3 ЗК РФ, п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 129, подп. 2 п. 2 ст. 235 ГК РФ), если по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица оказалось имущество, которое в силу закона не может ему принадлежать, это имущество должно быть отчуждено собственником в течение года с момента возникновения права собственности на имущество, если законом не установлен иной срок. При этом гражданское законодательство не содержит норм, предусматривающих автоматическое прекращение права собственности на земельный участок, расположенный на приграничной территории, в случаях, когда собственник не произвел его отчуждение в установленный законом срок.

Таким образом, иностранный гражданин и иностранное юридическое лицо не могут обладать на праве собственности земельным участком, находящимся на территории приграничных муниципальных образований, дольше указанного срока. Однозначного ответа на вопрос о том, действует ли данный режим также и для лиц, имеющих двойное гражданство, законодательство не дает, но прямой запрет для них в настоящее время отсутствует. Складывающаяся судебная практика свидетельствует о том, что если лицо не утратило статус гражданина России, то на него соответствующие ограничения не распространяются⁸.

В пункте 2 ст. 238 ГК РФ предусмотрено, что в случаях, когда имущество не отчуждено собственником в установленный законом срок, такое имущество, с учетом его характера и назначения, по решению суда, вынесенному по заявлению государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит принудительной продаже с передачей бывшему собственнику вырученной суммы либо передаче в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику стоимости имущества, определенной судом.

Частью 2 ст. 8, частью 2 ст. 9 и статьей 35 Конституции предусмотрены гарантии права частной собственности. Само по себе ограничение права собственности иностранных физических и юридических лиц на земельные участки, находящиеся на приграничных территориях Российской Федерации, не вызывает сомнения с точки зрения его соответствия статье 55 и части 3 ст. 62 Конституции, так как нацелено на защиту основ конституционного строя (целостности и неприкосновенности территории страны — часть 3 ст. 4 Конституции) и обеспечение безопасности государства. Согласимся с авторами, указывающими на то, что содержание нормы ЗК РФ, запрещающей иностранцам приобретать в собственность земельные участки на приграничных территориях, ориентировано на исключение возможности создания национальных анклавов⁹, которые могут стать причиной для спора о принадлежности территории с соседним государством¹⁰.

2011 г. № Д02-7833 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс»; Елисеева И.А. О реализации иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами права собственности на земельные участки в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8.

⁹ Подобная проблематика всегда была в поле зрения отечественного правоприменителя. Первый мирный договор Новгородской республики со Шведским королевством, заключенный еще в 1323 году (Ореховский мир), предусматривал, что «в приграничных землях шведы не имели права покупать землю, а в случае нападения на Новгородскую республику не имели права оказывать помощь нападавшим». См.: Гусаров А.Ю. Северо-восточные предместья Петербурга. СПб., 2016. С. 12.

¹⁰ См.: Магомедов Ш.Б. К вопросу о конституционном содержании обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1.

⁶ Селифонова С.Ю. Запрет на приобретение иностранными лицами земельных участков на приграничных территориях Российской Федерации // Юрист. 2013. № 6.

⁷ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁸ Апелляционное определение Омского областного суда от 18 марта 2020 г. № 33-1354/2020 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс». См. также: письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 12 октября

Принцип единства судьбы земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости

Как известно, в законодательстве закреплен режим единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов («очевидно, что использование части здания (дома) невозможно без одновременного использования... находящегося под зданием земельного участка», — пишет в связи с этим Е.А. Суханов¹¹), согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами (подп. 5 п. 1 ст. 1, ст. 35 ЗК РФ, ст. 552 ГК РФ). В частности, не допускается отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу (абзац шестой п. 4 ст. 35 ЗК РФ).

Сложившаяся правоприменительная практика следует указанному режиму¹².

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что Конституция, наделяя федерального законодателя определенной дискрецией при регулировании права собственности¹³ и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, закрепляет в части 3 ст. 55, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из данной нормы, в ее взаимосвязи со статьей 8, частью 3 ст. 17, частями 1 и 2 ст. 19, статьями 34 и 35 Конституции, вытекает, что ограничения права собственности

могут вводиться федеральным законом, если только они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности), носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права¹⁴.

Устанавливая ограничение права собственности иностранных физических и юридических лиц на земельные участки, находящиеся на приграничных территориях Российской Федерации, федеральное законодательство не содержит аналогичного ограничения (запрета) применительно к владению этими субъектами иными видами недвижимого имущества, расположенного на указанных территориях.

Как же быть в случае, когда на земельном участке, расположенном в пределах приграничной территории и приобретенном гражданином иностранного государства, находится принадлежащий ему же объект недвижимости? Налицо конфликт между требованиями принципа единства судьбы земельного участка со строениями на нем и положениями закона о запрете владения земельным участком в приграничной территории.

Кроме того, в состоянии правовой неопределенности окажется иностранное лицо, которое попытается купить дом, не приобретая земельный участок, поскольку такая сделка в соответствии с положениями статей 552 и 168 ГК РФ может быть квалифицирована в качестве ничтожной. Если же такое лицо попытается купить земельный участок, то нарушит установленный в статье 15 ЗК РФ запрет.

Означают ли положения пункта 3 ст. 15, пунктов 1 и 4 ст. 35 ЗК РФ, пунктов 1 и 2 ст. 238, статьи 552 ГК РФ, что принудительное отчуждение земельного участка, принадлежащего иностранному физическому или юридическому лицу, влечет такое же принудительное отчуждение

¹¹ Гражданское право: учебник в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2019. С. 356.

¹² См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г.) // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 5–6.

¹³ См.: Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): монография в трех частях. Ч. 2. М., 2018. С. 270–271.

¹⁴ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П // Вестник КС РФ. 2011. № 4; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2338-О // Доклады опубликован не был. Источник: — СПС «КонсультантПлюс».

расположенных на этом участке объектов недвижимости? Некоторые правоприменители ранее отвечали на данный вопрос положительно¹⁵.

В 2019 году он был вынесен на рассмотрение Конституционного Суда Российской Федерации по запросу Геленджикского городского суда Краснодарского края.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Рассмотрев запрос, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 12 ноября 2019 г. № 2970-О¹⁶ указал следующее:

«...необходимо исходить из того, что ограничительные нормы должны быть формально определенными, четкими, не допускающими расширительного толкования, а значит, и произвольного их применения. Государство при этом должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, чтобы исключить несоразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации...

Соответственно, пункт 3 статьи 15 Земельного кодекса Российской Федерации, будучи специальной нормой, не подлежащей расширительному толкованию, содержит единственное ограничение для иностранных граждан – невозможность обладания на праве собственности земельными участками, расположенными на приграничных территориях. Данный вывод согласуется и с пунктом 1 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации, в силу которого иностранные граждане, лица без гражданства могут иметь в пределах территории Российской Федерации земельные участки на праве аренды, за исключением случаев, предусмотренных данным Кодексом, а потому нахождение в их собственности зданий, сооружений,

расположенных на арендуемых ими земельных участках, включая участки, входящие в состав приграничных территорий, не запрещено законом. <...>

Согласно статье 271 ГК Российской Федерации собственник здания, сооружения или иной недвижимости, находящейся на земельном участке, принадлежащем другому лицу, имеет право пользования предоставленным таким лицом под эту недвижимость земельным участком (пункт 1); собственник недвижимости, находящейся на чужом земельном участке, имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться этой недвижимостью по своему усмотрению, в том числе сносить соответствующие здания и сооружения, постольку, поскольку это не противоречит условиям пользования данным участком, установленным законом или договором (пункт 3). Таким образом, как отметил Верховный Суд Российской Федерации, собственник строения на земельном участке имеет безусловное право пользоваться земельным участком, на котором это строение расположено (определение Судебной коллегии по административным делам от 17 августа 2018 года № 18-КГ18-122).

Следовательно, принудительная продажа земельного участка с одновременным сохранением за иностранным гражданином права собственности на находящиеся на нем здания, сооружения предполагает сохранение прав владения и пользования земельным участком, на котором расположена данная недвижимость, на основании статьи 271 ГК Российской Федерации. Этим обусловлена затруднительность принудительной продажи земельного участка, принадлежащего иностранному гражданину, в частную собственность другим лицам, которые в случае приобретения участка фактически будут лишены возможности его использовать, сохраняя за собой лишь право – в соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 1 и статьей 65 Земельного кодекса Российской Федерации – на получение платы с иностранного гражданина, являющегося собственником здания, сооружения. Однако объективные затруднения, связанные с реализацией такого рода земельных участков, не могут служить оправданием для лишения иностранных граждан

¹⁵ См.: апелляционные определения Псковского областного суда от 9 апреля 2019 г. по делу № 33-559/2019; Смоленского областного суда от 27 марта 2012 г. по делу № 33-745/2012 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

¹⁶ Вестник КС РФ. 2019. № 6, 2020. № 1.

условияпользования

продажуучастка

лишениесобственности

права собственности в отношении зданий, сооружений, которое признается российским законодателем и, значит, гарантируется Российской Федерацией. С другой стороны, статья 238 ГК Российской Федерации — предусматривая принудительное отчуждение имущества, оказавшегося по основаниям, допускаемым законом, в собственности лица, которому в силу закона не может принадлежать, — в пункте 2 закрепляет в качестве возможного варианта прекращения права собственности передачу имущества в государственную или муниципальную собственность с возмещением бывшему собственнику его стоимости, определенной судом. Избираемый вариант принудительного отчуждения имущества во всяком случае должен быть наиболее разумным, справедливым и оптимальным, в минимальной степени ограничивающим права собственников, в том числе должен учитывать особенности данного имущества, наличие заинтересованности в его приобретении как у частных лиц, так и у публично-правовых образований.

Законодатель же в целях дальнейшего совершенствования правового регулирования вправе уточнить порядок принудительного отчуждения земельных участков, которые не могут принадлежать иностранным лицам, принимая во внимание, в частности, правовой режим участков, занятых зданиями, сооружениями, принадлежащими на праве собственности иностранным лицам — собственникам земельных участков».

Правовой тупик?

Как видим, орган конституционного контроля, указав федеральному законодателю на необходимость уточнить кодифицированные положения, фактически пришел к ограничительному толкованию упомянутых в запросе норм (п. 4 ст. 35 ЗК РФ во взаимосвязи с п. 3 ст. 15, п. 1 ст. 35 ЗК РФ, п. 1 и 2 ст. 238 и ст. 552 ГК РФ) и предпочел формальное толкование телеологическому¹⁷.

¹⁷ Указанное толкование данных норм воспринято судами. См.: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 сентября 2020 г. № 8г-8719/2019 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что такое решение исключает возможность покупателя, приобретающего земельный участок под зданием, извлекать полезные свойства из этой недвижимости либо ограничивает ее получением платы от собственника здания за пользование участком. В свою очередь, у муниципального образования, в пределах которого расположен такой участок, может возникнуть обязанность возмещения стоимости приобретаемого земельного участка в случаях, установленных в статье 238 ГК РФ.

В перспективе это способно затруднить практическую реализацию заложенного в статье 15 ЗК РФ запрета и, кроме того, заблокировать возможность иностранных лиц, приобретающих недвижимое имущество в результате сделок, а не в порядке универсального правопреемства, оформить государственную регистрацию права на объекты. Более того, в некоторых регионах органы Росреестра не всегда производят регистрацию перехода права к наследникам и в тех случаях, когда наследодателем или наследником является иностранное лицо. Представляется, что подобные действия не могут являться обоснованными, поскольку согласно статье 35 Конституции «право наследования гарантируется», а исключения из общего правила об универсальном правопреемстве должны быть прямо предусмотрены Кодексом (п. 1 ст. 1110 ГК РФ).

Таким образом, существующие правовые нормы в толковании, данном им Конституционным Судом Российской Федерации, не только не препятствуют иностранным лицам владеть недвижимым имуществом на приграничных территориях, но и создают непреодолимые сложности для исполнения судебных актов о принудительной продаже принадлежащих таковым земельных участков. Надеемся, что федеральный законодатель обратит внимание на данную проблему и реализует свои полномочия по уточнению регулирования. Как представляется, следует отойти от формального подхода и обратиться к целям установления соответствующих ограничений в кодексе, а также учесть необходимость кодификации не только земельного, но и гражданского законодательства.

Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность

Ирина Валентиновна Решетникова
Арбитражный суд Уральского округа,
председатель,
доктор юридических наук,
профессор
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены направления использования искусственного интеллекта в судопроизводстве России и некоторых зарубежных стран, а также современные достижения в управлении судопроизводством: электронное распределение дел, электронная подача исковых заявлений, жалоб, электронные дела и электронный документооборот, Картотека арбитражных дел и многое другое, использование портала «Госуслуги» для подачи документов в суд, судебного извещения. Оцениваются введенные в судопроизводстве судебные заседания в онлайн-режиме и планируемое использование искусственного интеллекта при подготовке судебных приказов. Особое внимание уделено возможностям прогностического правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судопроизводство, управление судопроизводством, электронный документооборот, электронные доказательства, отказ от бумажного протокола судебного заседания, судебное заседание онлайн, портал «Госуслуги», прогностическое правосудие

Artificial intelligence in court proceedings in Russia: dreams and reality

Irina Valentinovna Reshetnikova, Commercial Court of the Ural District, President, Doctor of Laws, Professor, Yekaterinburg, Russia

Annotation. The article studies the ways of using artificial intelligence in court proceedings in Russia and in several foreign countries, as well as modern methods of managing court work: electronic distribution of cases, electronic submission of claims and complaints, electronic cases and electronic document flow, electronic database of cases examined by commercial courts, using of the electronic portal "State Services" for submitting documents to courts and for court notices. The author assesses the introduction of the possibility to hold court hearings online and the planned use of artificial intelligence for drafting court orders (судебные приказы). Particular attention is paid to the possibilities of the prognostic justice.

Keywords: artificial intelligence, court proceedings, managing court work, electronic document flow, electronic elements of proof, abolition of paper-written records of court hearings, court hearings online, electronic portal "State Services", prognostic justice

Посетителей Пекинского народного суда встречает робот гуманоидного типа. В 2019 году он провел 15,5 млн консультаций, сохранил 500 тыс. записей в своей базе и готов отвечать на различные вопросы посетителей суда¹.

Первый интернет-суд Китая был создан в г. Ханчжоу в 2017 году. В конце 2019 года была проведена демонстрация работы суда для журналистов. Судьи появились в образе голограммы. Виртуальный судья выглядел как реальный человек, но фактически был трехмерным изображением. Участники процесса выступали в видеочате. Искусственный интеллект позволяет работать суду круглосуточно семь дней в неделю. В 2018 году первое судебное заседание было проведено в интернет-суде Пекина, заседание длилось 150 минут и проходило в режиме онлайн².

Все это звучит как научная фантастика, хотя уже реальность для Китая.

Хотим мы того или нет, но процесс информатизации судопроизводства, как и любой другой сферы жизнедеятельности человека, — процесс неизбежный. Важен выбор вектора развития. Обсуждение проблем применения искусственного интеллекта в судопроизводстве особенно важно ввиду приближающегося съезда судей Российской Федерации, на котором традиционно формулируются перспективы и задачи дальнейшего развития судебной системы и судопроизводства.

Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве медленно, но уверенно из мечты превращается в реальность. В одних странах быстрее, в других медленнее. Доказательство тому — принятие Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих

их реалиях (Страсбург, 3–4 декабря 2018 г.)³. В России принципиальные подходы к искусственному интеллекту определены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490⁴ (далее — Национальная стратегия). Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года⁵.

Согласно Национальной стратегии искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека (подп. «а» п. 5). Вполне возможно, и в наших судах появятся роботы-консультанты, которые заменят собой справочные службы, и голографические изображения судей, рассматривающих дела в любое время дня и ночи. Труд специалистов по подшивке дел, составлению описи и реестров к отправке, конвертованию материалов дел будет заменен на труд роботов. Излишняя нагрузка судов уйдет в историю. Судьи и сотрудники судов будут работать совсем по-другому.

Но, мечтая о будущем, начнем с того, что мы имеем сейчас.

В российской судебной системе изначально на возможности применения информатизации как первого шага на пути к искусственному интеллекту откликнулась сфера организационно-правовой деятельности. Кстати,

¹ Из выступления Е.П. Ермаковой «Применение искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве КНР» на форум-сессии «Искусственный интеллект и юриспруденция», прошедшей 29 апреля 2021 г. в Екатеринбурге на базе Уральского государственного федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

² См. там же.

³ См.: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mil-06092019-2-/1680955078>

⁴ СЗ РФ. 2019. № 41. С. 5700.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. С. 5580.

именно об этом аспекте применения потенциала искусственного интеллекта нередко говорит Председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов. При этом традиционно используется не термин «искусственный интеллект», а понятия «цифровизация» или «информатизация» судопроизводства⁶.

В арбитражных судах в организационно-правовом поле активно и давно применяются: электронное распределение дел; Картотека арбитражных дел⁷ (далее – КАД); электронная подача исковых заявлений, апелляционных и кассационных жалоб, отзывов и иных документов; электронный документооборот; подписание судебных актов и их выгрузка через программный комплекс «Система автоматизации делопроизводства» (далее – ПК САД) и пр. В Арбитражном суде Свердловской области еще в 2005 году, до создания КАД, все решения суда были переведены в электронный вид. В Арбитражном суде Уральского округа активно используются электронное согласование проектов приказов, электронная запись на ознакомление с делами, прием населения онлайн и пр. Графики судебных заседаний синхронизированы с ПК САД и со звуковым извещением о начале судебного заседания.

Сканирование всех документов дел в арбитражных судах позволяет перейти на работу с электронными делами вместо бумажных. В этом плане уникальным в арбитражном процессе является упрощенное производство: оно ведется полностью электронно, без судебных заседаний. Судьи и лица, участвующие в деле, работают исключительно с электрон-

ными делами. Если какие-то документы поступили в суд на бумажном носителе, то они сканируются и прикрепляются к электронному делу. Для Уральского судебного округа это позволило с июля 2020 года перейти на электронный обмен делами упрощенного производства. В настоящее время постепенно расширяется работа с электронными делами за счет категорий дел традиционного искового производства. Данные меры оптимизируют работу аппарата суда и существенно экономят денежные средства на пересылку материалов дел.

В судопроизводстве при упоминании искусственного интеллекта чаще всего обсуждаются возможности проведения судебных заседаний через видео-конференц-связь или онлайн-заседаний (веб-конференций), подачи

Процесс информатизации судопроизводства, как и любой другой сферы жизнедеятельности человека, — процесс неизбежный

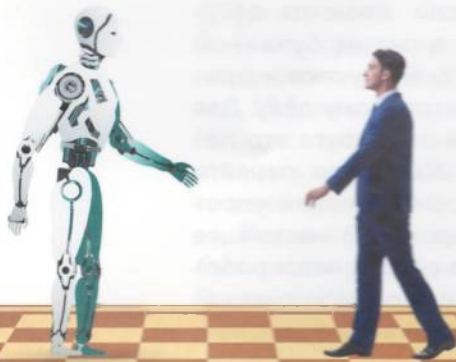
заявлений, документов, доказательств в электронном виде, исследования и оценки электронных доказательств. Для идентификации участников процесса при проведении судебных заседаний онлайн предлагается внедрять технологию биометрической аутентификации⁸.

Ведение абсолютно всех дел в электронной форме позволило перейти кассации на электронный архив судебных дел. Но, правда, пока мы далеки от Сингапура, где последние лет восемь вообще не существует бумажных дел. В итоге все блага информатизации работают на упрощение организации работы в суде, оптимизацию судопроизводства. В этом же направлении можно рассматривать предложение об отказе от бумажных протоколов судебных заседаний. Так, в Арбитражном процессуаль-

⁶ См., например: Виктор Момотов: Цифровые решения играли ключевую роль в судах в период пандемии // Legal.Report. 19 апреля 2021 г. // <https://legal.report/viktor-momotov-cifrovye-resheniya-igrali-kluchevuju-rol-v-sudah-v-period-pandemii/>

⁷ Участники процессов неизменно дают высокую оценку существующей Картотеке арбитражных дел. См., например: Искусственный интеллект в судопроизводстве. Адвокаты и юристы прокомментировали доклад Виктора Момотова о судебной власти в условиях современных цифровых технологий // Новая адвокатская газета. 9 апреля 2019 г.

⁸ См.: Виктор Момотов: Цифровые решения играли ключевую роль в судах в период пандемии.

ном кодексе Российской Федерации⁹ (далее – АПК РФ) преимущество отдано аудиопротоколу: согласно пункту 6 ч. 4 ст. 270, пункту 6 ч. 4 ст. 288 АПК РФ безусловным основанием для отмены судебного акта является отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписание его не теми лицами в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания.

Бумажный протокол в арбитражном процессе не содержит изложения всего хода судебного заседания, в нем отражается небольшой объем информации, уместяющийся на одном листе (ч. 2 ст. 155 АПК РФ). Лица, участвующие в деле, вправе получить копии аудиопротокола. В уголовном судопроизводстве при переводе аудиопротокола судебного заседания на бумажный носитель затрачивается значительное время секретаря судебного заседания, при этом не используются никакие программы, позволяющие передать эту работу искусственному интеллекту. В связи с этим предложение отказаться от бумажного протокола судебного разбирательства актуально¹⁰, это существенно освободило бы секретарей судебных заседаний. Хотя, конечно, они будут обязаны отслеживать качество ведения аудио- и видеопотоков.

⁹ Российская газета. 27 июля 2002 г.

¹⁰ Председатель ВС предложил отказаться от бумажных протоколов заседаний // Право.ru. 25 мая 2021 г. // <https://pravo.ru/news/231947/>

Можно сказать, что это лишь первичный (элементарный) уровень использования потенциала искусственного интеллекта.

Среди направлений, перечисленных в Европейской этической хартии в судебных системах и окружающих их реалиях, хотелось бы обратить внимание на урегулирование споров в режиме онлайн и на работу с судебными решениями. Помощь в их развитии могло бы оказать так называемое прогностическое правосудие.

Говоря о прогностическом правосудии, в некоторых странах предлагается формирование прогнозов возможности совершения лицом нового преступления¹¹ или формирование электронного судебного решения по делу. Человеческий разум, в чем-то уступая искусственному интеллекту, в то же время изобретательнее, поскольку по ходу может корректировать задачу, придумывать новые варианты. Хорошо известны успехи экспертных систем типа *Deep Blue* в серии шахматных игр против Гарри Каспарова в 1997 году. Однако эти системы потерпели крах, так как не смогли интерпретировать бесконечное разнообразие ситуаций и контекстов и стали неэффективными за пределами 200–300 правил кодирования.

И все-таки хотелось бы, чтобы экспертные системы создавались в сфере правосудия. Как работает судья с практикой, если ему распределено сложное с точки зрения правоприменения дело? Он ищет судебную практику: сначала в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации – идеально, если практика сформирована высшим судом. Если Верховный Суд Российской Федерации еще такие дела не рассматри-

¹¹ В некоторых странах практикуется применение технологий, дающих рекомендации для решения вопроса о заключении под стражу. См., например: Контини Ф. Искусственный интеллект: Новый способ ненадлежащего воздействия на судебные органы? // Докинская декларация: толeration культуры соблюдения этических норм. Июнь 2019 г. // <https://www.unodc.org/dohadeclaration/rulnews/2019-06-artificial-intelligence-a-new-tool-not-a-for-undue-influence-on-judicial.html>

вал, нужно искать практику на уровне окружных судов. Затем детально изучить результат, иногда с противоположными выводами и мотивациями. На этот этап работы порой уходит много времени: было бы очень полезно для обеспечения единообразия получать справку с разной судебной практикой. Это была бы огромная помощь и для опытных судей, и тем более для молодых. Подобная попытка предпринята СПС «КонсультантПлюс». Однако на данном уровне программа не заменит помощника судьи по подбору судебной практики для рассмотрения дел.

Такая система была бы полезна и для практикующих юристов, которые, получив совет по вероятному разрешению их спора, лишний раз подумали бы, идти им в суд или, может быть, лучше примириться. Подобные механизмы способствовали бы и развитию примирительных процедур и, возможно, урегулированию споров в режиме онлайн.

Урегулирование споров онлайн могло бы касаться бесспорных дел типа российского варианта судебного приказа. Великобритания, Нидерланды и Латвия – примеры стран, где в той или иной степени происходит внедрение автоматизированных решений для малозначительных гражданских тяжб. По мнению специалистов, российские суды перегружены бесспорными делами¹². Для мировых судей это значительное количество дел. Саму идею поддерживают и российские судьи¹³. В Белгородской области запу-

щен пилотный проект: к трем судебным участкам мировых судей подключили искусственный интеллект для подготовки судебных приказов и проверки реквизитов по взысканию трех видов налогов (имущественного, транспортного и земельного) с граждан¹⁴.

Возможным было бы использование искусственного интеллекта при принятии исковых заявлений, апелляционных и кассационных жалоб к производству. Тем более что согласно проекту Правительства Российской Федерации по изменениям в процессуальное законодательство, принятым в первом чтении Государственной Думой, планируется их подача через портал «Госуслуги»¹⁵. В Великобритании еще в 1990-е годы было введено заполнение определенной формы искового заявления. Мастер (не судья) проверял заполнение всех необходимых граф и решал вопрос о принятии заявления к производству. То же самое при наличии необходимой программы можно было бы делать автоматически. Так, в форме искового заявления допустимо введение обязательных для заполнения строк, незаполнение которых не позволит двигаться далее.

Система судебного извещения через Почту России многие десятилетия вызывает нарекания. Хотя в мире существуют иные аналоги судебного извещения. Так, в 2005 году в Австрии впервые в Европе была внедрена дуальная доставка частной и государственной корреспонденции, которая сочетает электронную и традиционную доставку почты. Отправитель направляет письмо не непосредственно адресату, а сначала на электронный почтовый сервис – *HPC Dual*. Здесь происходит проверка наличия данных получателя в электронной базе почтовых ящиков. В случае совпадения последний получает со-

¹² См.: Исследование: российские суды перегружены бесспорными делами // Право.ru. 27 мая 2021 г. // <https://pravo.ru/news/232008/>. В статье приводятся следующие цифры: в судах общей юрисдикции бесспорные дела составляют 60,3% от общего числа, в арбитражных судах – 51,1%. Не берусь спорить с авторами статьи относительно бесспорных дел судов общей юрисдикции, но вот в арбитражных судах к бесспорным относятся лишь дела приказного характера, дела же упрощенного производства не являются бесспорными, поэтому доля бесспорных дел намного меньше.

¹³ См.: Искусственный интеллект в судопроизводстве. Адвокаты и юристы прокомментировали доклад Виктора Момотова о судебной власти в условиях современных цифровых технологий.

¹⁴ См.: Варакин М. Отказ от мотивировок и автозаполнение приказов: что обсудили на Совете судей // Право.ru. 25 мая 2021 г. // <https://pravo.ru/story/231940/>

¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7>

портал «Госуслуги»

экспертные услуги

прогностическое правосудие

общение по электронной почте. Если отсутствует информация о получателе в электронной базе, то сообщение распечатывается и направляется получателю обычным способом.

Создать свой почтовый ящик на этом почтовом сервисе может любой гражданин Австрии: для этого необходимо лишь активировать специальную функцию на любой из собственных банковских карт либо на карте гражданина Австрии, что позволяет в дальнейшем идентифицировать гражданина. Процесс использования такой системы занимает несколько секунд и сводится к выходу в сеть Интернет и открытию своего почтового ящика¹⁶.

Проект новых изменений в процессуальном законодательстве связан с расширением сферы применения современных технологий. Предлагается подача исковых заявлений, отзывов на иск, апелляционных и кассационных жалоб через личный кабинет на портале «Госуслуги», через этот же сервис будет производиться судебное извещение. Подобные меры ликвидируют очереди для сдачи документов непосредственно в суд, сократят количество случаев ненадлежащего извещения через Почту России, уменьшат объем работы аппарата суда.

Важным шагом к электронному судопроизводству стало введение электронной подписи. Так, решение, выполненное в форме электронного документа, направляется лицам, уча-

ствующим в деле, посредством его размещения на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в режиме ограниченного доступа не позднее следующего дня после дня его принятия. Лишь при ходатайстве указанных лиц копии решения на бумажном носителе могут быть направлены им (ч. 1 ст. 177 АПК РФ). Копии судебных актов, вынесенных на бумажном носителе, арбитражный суд направляет всем лицам, участвующим в деле. В связи с этим арбитражные суды, перешедшие на подписание судебных актов электронной подписью, существенно сократили работу аппарату суда и почтовые расходы.

Самые насущные предложения по внедрению искусственного интеллекта требуют значительных денежных вливаний для разработки необходимых программ. Очевидно, что от того, какие идеи будут заложены в программу, насколько тщательно будет продуман алгоритм ее действия, зависит ее успех. Параллельно должно идти компьютерное обновление в судах. Даже без искусственного интеллекта специалисты судов не смогут оперативно выполнять свои функции, если при переходе из программы в программу возникают неполадки.

В судебной системе будут востребованы изменения по разумному и осторожному внедрению потенциала искусственного интеллекта. Интересным этот процесс будет и для лиц, участвующих в деле, их представителей, так как в итоге призван способствовать оптимизации судопроизводства. □

¹⁶ Подробнее см.: Брановицкий К.Л., Котельников А.Г., Решетникова И.В. Гражданское судопроизводство за рубежом. М., 2013. С. 156 (автор параграфа 6.1 – К.Л. Брановицкий).

Информационно-коммуникационные технологии в правосудии

Слабый и сильный искусственный интеллект в судебном производстве — это не миф, не модное увлечение футуристическим проектом обустройства будущего, а реально намечаемый вектор в развитии судебной системы. Именно в таком ключе на **очередном заседании Клуба имени Замятина** участники обсуждали возможность и особенности применения искусственного интеллекта уже сегодня.

Начавшаяся некоторое время назад информатизация судопроизводства заложила прочную основу для дальнейшего применения технологий. В определенной степени пандемия ускорила этот процесс, и то, что было предусмотрено в процессуальных кодексах как возможность проведения онлайн-заседаний, уже во многом изменило контекст судебной жизни. Обычно говорят о контексте литературном, политическом, социальном, культурном, но в действительности он куда более многообразен и изменчив. Особенно если речь идет о влечении в контекст искусственного интеллекта и электронных технологий.

Именно о таком меняющемся контексте говорил **Виктор Викторович Мотов**, постоянный участник заседаний Клуба, предлагающий новые, непривычные и нередко кажущиеся опережающими время идеи и предложения развития судебной власти, судейского и гражданского общества в целом. В своем размышлении о перспективах использования искусственного интеллекта он расставил акценты в понимании терминов «электронное правосудие» и «цифровое правосудие»: «В первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором — о форме существования данных». Разница в терминах существенна, так как форма хранения информации определяет свойства среды. Так, цифровое правосудие предполагает переход большей части коммуникаций в цифровую среду, а электронное правосудие подразумевает в основном разрешение судами правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которых отображаются в информационной системе.

Следует отметить, что несколько лет назад, в 2018 году, была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, и многие ее положения повлияли на дальнейшее развитие законодательства европейских стран. Россия не стала исключением в этом плане. Отечественные правовые подходы к использованию искусственного интеллекта были выработаны в 2019 году в На-

вя-
му-
ния
мо-
ипа
ми-
тве.
ого
не-
дип
ний
ан-
ет-
ить

9 771817 817006

циональной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Поэтому предметное обсуждение особенностей использования искусственного интеллекта получилось живым и заинтересованным.

Судья Арбитражного суда города Москвы **Василий Андреевич Лаптев** и старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **Денис Андреевич Печегин** в определенной степени оппонировали друг другу, говоря о степени внедрения технологий в судебный процесс, не сходясь во мнении о самой сути понимания искусственного интеллекта и его потенциала для уголовного и гражданского судопроизводства.

Советник Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» **Елена Георгиевна Авакян**, упоминая об уже сделанных успехах в автоматизации отдельных функций в судебном (арбитражном) делопроизводстве, призывала к более быстрой работе судебного сообщества над вхождением в общую концепцию электронной публичной власти, встраивания в формы электронного правительства, разрабатываемые исполнительной властью страны, поскольку только сама судебная власть может с точностью знать свои потребности, возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта.

Именно в понимании ограниченности внедрения новых технологий были единодушны спикеры заседания. Потому что главным в судейской профессии была, есть и остается эмпатия — умение понимать и сочувствовать человеку. Милосердие не может быть запрограммировано. **Виктор Викторovich Момотов** в завершение выступления отметил: «Судья не может быть нейтральным и свободным от субъективных оценочных суждений в судебном споре, даже если он старается относиться к существу происходящего «без гнева и пристрастия». Искусственный интеллект не будет способен применять аналогию закона или аналогию права, так как только человек может постигнуть дух закона».

Принудительное исполнение требований неимущественного характера

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Справедливое судебное разбирательство и исполнимость судебных решений

ТЕМА НОМЕРА

4

Конституционный принцип и международный стандарт справедливого судебного разбирательства. **Татьяна Анатольевна Петрова**, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации

ИНТЕРВЬЮ

6

Теория без практики и практика без теории есть ничто. **Елена Викторовна Горчакова**, судья Верховного Суда Российской Федерации

ТЕМА НОМЕРА

11

Отдельные вопросы исполнения требований неимущественного характера. **Анастасия Николаевна Оленьчева**, начальник правового управления Федеральной службы судебных приставов, кандидат юридических наук, государственный советник юстиции Российской Федерации 1-го класса

16

Исполнение судебного решения как важнейший элемент права на справедливое судебное разбирательство. **Лидия Владимировна Туманова**, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

22

Сочетание государственных и частных начал при исполнении требований неимущественного характера. **Оксана Владимировна Исаенкова**, заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, профессор

27

Проблемы эффективности исполнения судебных решений по спорам с участием несовершеннолетних. **Наталья Анатольевна Бурашникова**, заместитель председателя Тамбовского областного суда, кандидат юридических наук

35

Проблемы исполнения судебных решений об административном выдворении. **Андрей Игоревич Сидоренко**, ведущий научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

41

Актуальные вопросы исполнительного производства: опыт зарубежных государств. **Андрей Александрович Соловьёв**, заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, доктор юридических наук, доцент, профессор МГЮА, профессор МПГУ

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

47

О необходимости упрощения оформления письменного протокола судебного заседания по гражданским делам. **Дмитрий Георгиевич Лях**, судья Крымского районного суда Краснодарского края; **Владислав Анатольевич Кияшко**, и.о. председателя Крымского районного суда Краснодарского края, кандидат юридических наук

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

51

О некоторых вопросах прав иностранных лиц на объекты недвижимости в приграничных территориях. **Аркадий Игоревич Лещенко**, председатель Геленджикского городского суда Краснодарского края

СУДОПРОИЗВОДСТВО

57

Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: мечты и реальность. **Ирина Валентиновна Решетникова**, председатель Арбитражного суда Уральского округа, доктор юридических наук, профессор

КЛУБ ИМЕНИ ЗАМЯТНИНА

63

Информационно-коммуникационные технологии в правосудии